

МАРК ЛЕВИ

НОЧЬ, С КОТОРОЙ
ВСЕ НАЧАЛОСЬ

ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ!

Марк Леви

Ночь, с которой все началось

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64657676

Ночь, с которой все началось: Иностранка, Азбука-Аттикус; М.; 2021

ISBN 978-5-389-19540-0

Аннотация

«Обычно я даю голос двум персонажам. На этот раз их девять. Я сделал все, чтобы вступить в их банду. И они меня приняли». Девять героев этой книги не знают друг друга в лицо, и все же они – верные друзья. Они вне закона, но на стороне добра. Они – Робин Гуды цифрового мира. Хакерские атаки, секретные материалы, тайны, разоблачение которых может стоить жизни, безумная гонка по улицам Осло, Парижа, Мадрида, Тель-Авива, Лондона и Стамбула – это борьба добра со злом, какой она может быть только в XXI веке. Двадцать первый роман Марка Леви, самого популярного французского писателя в мире, критики сравнивают с бондианой, «Девушкой с татуировкой дракона» и трилогией Оушена.

Содержание

1	8
2	17
3	29
4	42
5	52
6	60
7	79
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Марк Леви

Ночь, с которой все началось

Marc Levy

C'EST ARRIVÉ LA NUIT

www.marclevy.info

© Illustrations de Pauline Lévêque

© Marc Levy/Versilio, 2020

© Nastassia Brame, фотография автора

© Черезова Е., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа
«Азбука-Аттикус», 2021

Издательство Иностранка®

* * *

Захватывающее погружение в повседневную жизнь
деяти хакеров, сошедшихся лицом к лицу с
недобросовестными обладателями власти и денег.
Сильный роман!

Le Monde

Короткие главы переносят нас от одного персонажа

к другому, из одной страны в другую, в напоминающий «Трилогию Оушена» мир «Группы 9», такой же дьявольски увлекательный.

Les Echos week-end

Эта книга просто создана для экранизации! Потрясающие персонажи, в них сразу влюбляешься.

BFM TV

Триллер, от которого сердце замирает в груди – и так и хочется присоединиться к этим современным Робин Гудам.

Le Parisien

«Живые – борются!»¹

Виктор Гюго

*Восьмерым, чьи имена я не могу назвать; без них
эта история не появилась бы на свет*

Разумеется, любое сходство с реальными людьми или событиями совершенно случайно...

* * *

Зал видеоконференций.

Экран мерцает, микрофон потрескивает.

---

¹ «Возмездие», книга четвертая. Пер. с фр. Г. Шенгели. – Здесь и далее прим. перев.

Соединение по защищенному протоколу установлено в 00:00 GMT.

– *Как слышно?*

– Слышу вас отлично, а вы?

– *Звук хороший, но картинки пока нет.*

– Кликните по зеленой иконке внизу экрана, там изображена камера, ну вот, теперь мы вас видим. Здравствуйте.

– *Как мне к вам обращаться?*

– Не стоит терять время, не знаю, сколько мы сможем оставаться на связи.

– *Сегодня...*

– Когда мы договаривались об этом звонке, было решено, что в записи не должно остаться никаких указаний на дату или место.

– *Тогда начнем...*

00:12 GMT. Начало стенограммы

– *Когда-нибудь студенты будут гадать, что крылось за вашими решениями, как вы встали на путь, который привел вас в подполье, вынуждая пожертвовать большинством радостей обычной жизни. Что бы вы хотели сказать им, прежде чем они вас рассудят?*

– Что судьба других заботила меня не меньше, чем моя собственная. Мои чувства заставили меня взглянуть на мир

шире, не заикливаться на себе, не просто возмущаться, протестовать и обвинять, а действовать. И «Группа 9» стала средством. Для чего? Да для того, чтобы и другие встревожились о будущем, которое неизбежно ждало бы и их тоже, чтобы они осознали последствия. Чтобы они остались свободными... Свобода! Понимаю, что в такой формулировке это может прозвучать напыщенно, но вам стоит отметить в статье, что в этот самый момент, пока я с вами откровенничаю, меня и моих друзей активно разыскивают, нас могут ликвидировать или же мы проведем остаток жизни в тюрьме. Надеюсь, что это придаст моему рассказу нотку смирения. Ну и наконец, я сделала это, потому что любила, потому что люблю. Страх пришел позже.

Ночь первая, Осло

В два часа ночи дождь, подстегиваемый ветром, барабанил по крышам Осло. Екатерине казалось, будто откуда-то из-за горизонта градом летят стрелы. Накануне небо было безоблачным, но теперь ничто об этом не напоминало. Она смотрела из окна своей студии на город, огни которого рассыпались до побережья. Екатерина снова начала курить, что, впрочем, беспокоило ее меньше, чем необходимость опять бросать. Она достала сигарету, чтобы прогнать скуку и совладать с нетерпением. Отражение в оконном стекле выдавало ее усталость.

Звуковой сигнал вырвал ее из раздумий, и она бросилась к ноутбуку, чтобы открыть сообщение, которого ждала. Никакого текста, только файл с двумя листами музыкальной партитуры. Чтобы прочесть их, нужно разбираться не в соль-феджио, а в программировании. Устроившись в кресле, Екатерина с удовольствием взялась за дело. Она распустила волосы, выпрямила спину, бросила взгляд на пачку сигарет, подавила желание закурить еще одну и занялась дешифровкой. Разобравшись, о чем говорилось в сообщении, она набрала в ответ несколько загадочных слов.

– Что ты забыл в моем городе, Матео? Предполагалось, что мы никогда не встретимся.

– Я тебе объясню, когда придет время, если ты поняла *где*.

– *Где* – это просто, чтобы не сказать слишком, но ты не указал *когда*, – наступала Екатерина.

– Иди скорее спать.

Матео предлагал Екатерине не ложиться, а оборвать соединение. Похоже, паранойя ее приятеля усиливалась. Она часто гадала, что он за человек, как он выглядит, какого он роста и телосложения, какого цвета у него волосы... Светлые, темные, а может, рыжие, как у нее, если он вообще не лысый. Еще большее любопытство вызывал у нее голос Матео. Быстро ли он говорит? Хорошо ли владеет словом? В мужчине ее больше всего соблазнял голос. Ее красота могла скрыть немало недостатков; педантичная, насмешливая, надменная, Екатерина разносила в пух и прах всех ухажеров, даже самых выдающихся. У нее был дар – абсолютный слух. Иногда это ощущалось как благословение, иногда – как проклятие, в зависимости от обстоятельств. Что странно, она никогда не гадала, сколько Матео лет. Она считала себя старейшиной в «Группе» – хоть и молодой старейшиной. Но ошибалась...

Екатерина задумалась – руки застыли над клавиатурой, – но в конце концов все же высказала свою озабоченность:

– Если погода не улучшится, планы придется менять.

Реакции собеседника пришлось подождать. Наконец Матео сообщил ей нечто, что, судя по всему, беспокоило его куда больше, чем завтрашняя погода:

– Майя не отвечает.

– Как давно? – набрала Екатерина.

Никакого отклика. Она поняла, что Матео резко оборвал их переписку. Выдернула флешку из ноутбука, в свою очередь разрывая соединение с сервером ретрансляции, не позволявшим определить ее местоположение, вернулась к окну и с беспокойством обнаружила, что ливень усилился.

Екатерина жила на верхнем этаже дома, где снимали квартиры местные преподаватели. Прямоугольное пятнадцатизэтажное здание из кирпича и дерева возвышалось на пересечении улиц Смедгата и Йенса Бьелке. Стены здесь были настолько тонкие, что Екатерина слышала все, что происходит в соседних студиях. Она вполне могла обойтись без часов, узнавая время дня и ночи по звукам. Сосед по лестничной клетке только что выключил телевизор. Значит, уже полвторого: пора немного отдохнуть, если она хочет нормально соображать с утра. Она выключила настольную лампу и пересекла комнату, чтобы улечься в постель.

Сон не шел. Екатерина снова и снова обдумывала предстоящее. В восемь утра она усядется на террасе «Театральной кофейни», под отелем «Континенталь», где в хорошую погоду завтракают постояльцы. В рюкзаке у нее будет легкое оборудование: модем, частотный анализатор и генератор кодов. У нее будет десять минут на то, чтобы взломать отельный вай-фай и перенаправить данные. Когда она это сделает,

все подключенные к сети мобильные телефоны окажутся в ее распоряжении.

– Не поймите превратно, никто из «Группы 9» не стал бы разменивать свои таланты на кражу номеров кредиток или содержимого мессенджеров в преступных целях. Хакеры бывают трех типов. Черные шляпы, или черные хакеры, охотятся за деньгами; это злодеи цифрового мира. Белые шляпы, или белые хакеры, часто бывшие киберпреступники, решили использовать свои знания для поддержания безопасности в сети. Большинство из них работают на правительственные службы или крупные предприятия. Черные хакеры в конце концов попадают, и самых выдающихся из них вербуют. Лучшие из хакеров, будь то черные или белые, образуют особую касту, где идет постоянная война, в которой любые средства хороши. К победе стремятся не только ради большого куша – чаще ради славы, во имя чести или чтобы потешить самолюбие.

– *К какой же из двух категорий относится Екатерина?*

– Ни к какой. Как и все члены «Группы», Екатерина – серый хакер, человек вне закона, работающий во благо общества. Она всегда охотилась только на крупную дичь и в тот день преследовала весьма достойную. Стефана Барона, могущественного мерзавца.

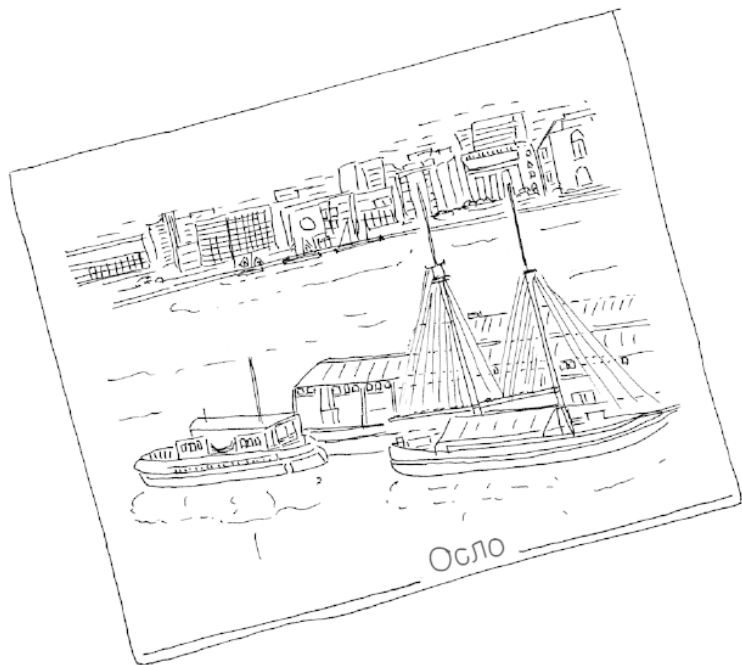
Барон был удачливым лоббистом, окрыленным успехами.

Поработав на нефтяные, угольные и агрохимические корпорации, подкупив членов парламента и сенаторов, чтобы отменить законы об охране окружающей среды, он занялся еще более прибыльным бизнесом. Из лоббиста он стал «консультантом в области политической коммуникации», то есть, проще говоря, беспринципным пропагандистом, изобретателем теорий заговора, вымышленных преступлений, неизменно вменяющихся нелегальным мигрантам, и мер, чреватых увеличением их количества, которые якобы принимались правительствами. Барон виртуозно дирижировал множеством фейковых новостей, которые его подражатели распространяли в соцсетях, новостей, придуманных, чтобы запугать людей, – предвещающих неизбежное исчезновение среднего класса, уничтожение их культуры и безнадежное будущее. Страх был его торговым капиталом. Он сеял хаос ради обогащения, повышая рейтинг своих клиентов и приводя их к власти.

С этой целью он и отправился в свое второе европейское турне. Переезжая из столицы в столицу, Барон встречался с предводителями экстремистских группировок и партий, чтобы выявить лидеров, продать им свои услуги и помочь собрать голоса. Каждая страна, оказывавшаяся под властью

автократа, становилась долговременным источником прибыли. Если ему удастся подтолкнуть в нужную сторону весь континент, он гарантированно займет место в кругу самых состоятельных людей мира. Барон проводил свои кампании энергично, извлекая выгоду из мировых конфликтов и печальных верениц беженцев, которыми те сопровождались.

Карта Европы, висевшая за его столом, превратилась в своего рода поле для настольной игры, и каждый воткнутый в нее флажок свидетельствовал о его недавних победах. Венгрия, Польша, Италия, где одержал победу его подшефный. Казалось, ничто не может его остановить.

Разве мог Барон представить, что группка хакеров осмелится выбрать его своей мишенью! Даже сама Екатерина иногда сомневалась в успехе их предприятия. Да, но... Ее дед участвовал в Соппротивлении в то время, когда подвиг праведников народов мира казался еще более невероятным, однако же не пал духом. Нет, такие мысли ей заснуть не помогут.

Екатерина сняла футболку и бросила ее на пол у крова-

ти. Почему бы не снять напряжение, не дающее погрузиться в сон, доставив себе немного удовольствия? Себе и, вероятно, соседу, который обязательно уловит ее стоны сквозь шум дождя, продолжавшего хлестать в окна.

Прежде чем закрыть глаза, она, как и каждый вечер, подумала о тех, кто коротает ночь на улице, – эта мысль возвращала ее в прошлое...

Когда Екатерине было десять, она впервые стала свидетельницей убийства. Случилось это в закоулке Осло, где она нашла убежище однажды вечером, когда ее мать вернулась домой еще пьянее обычного. Типичная уличная картина, если живешь на улице. В двенадцать, не в силах больше сносить оскорбления и лишения от женщины, которая никогда не желала ее существования, Екатерина окончательно ушла из дома, отправившись искать покоя на скамейках парков, где спала днем, и под мостами, где читала ночами, а потом, с наступлением холодов, в подвалах жилых домов, замки которых девочка вскрывала с впечатляющей ловкостью. Екатерина отправилась в самостоятельное плавание в весьма невинном возрасте. Предоставленная самой себе, она быстро научилась добывать себе пропитание, копаясь в мусорных контейнерах. Девочку, которая никогда не видела зубной щетки, вопросы гигиены не беспокоили. Ее детство было отмечено извечной материнской присказкой: «Ты родилась от ничтожества, сама ничтожество, и ничего из тебя не выйдет».

– Екатерине недавно исполнилось тридцать шесть, она преподает право в Университете Осло, она тайная активистка и хакер из «Группы 9».

– *Как она присоединилась к «Группе»?*

– Нас объединяют не только наши способности в области программирования, но и наши истории, и общая цель, сплотившая нас в предприятии, о значении которого мы догадались не сразу. Но вернемся к той ночи в начале прошлого лета...

* * *

Пока Екатерина доставляла себе удовольствие, Матео размышлял. Он стер все следы своей деятельности из компьютера делового центра отеля «Континенталь», вышел из помещения, пересек пустое фойе и, перед тем как отправиться в номер, осмотрелся в последний раз. Если дождь не прекратится, он придет на выручку, вот только отправит сообщение подельнице, чтобы дать ей знать, что вступает в игру, а ей нужно убираться; но нужно еще, чтобы она подчинилась его указаниям, а в этом он не был уверен.

День первый, Осло

Ранним утром Екатерина села в трамвай с рюкзаком на плече. Она гадала, чем вызвано ее взвинченное состояние – предстоящей задачей, новостью о том, что она наконец встретится с Матео, или непониманием, почему он нарушает правила группы. «С другой стороны, – подумала она, – какой смысл следовать правилам, если живешь вне закона?» Она вышла на остановке «Национальный театр»; теперь от цели ее отделяло всего несколько шагов. Дождь прекратился, но небо все еще выглядело угрожающе, и мокрая терраса оставалась закрытой. Удачное стечение обстоятельств: после секундного колебания Екатерина решила пойти на риск и действовать из самого заведения.

Кофейня при отеле «Континенталь» напоминала о Вене. Большие люстры под сводчатыми потолками освещали роскошный интерьер XIX века. Между колоннами стояло столиков двадцать, витая кованая лесенка поднималась на балкон, с которого музыканты некогда играли для гостей. В глубине зала, за баром, скульптурные деревянные панели обрамляли большое зеркало. Екатерина заметила два отдельных кабинета: черные кожаные диванчики и перегородки из красного дерева казались идеальным укрытием. Она решила, что объект выберет одно из этих помещений, а охрана расположится

в соседнем. Она заняла маленький столик у края окна, ближе к двери. В кофейне было еще довольно пусто – дюжина посетителей завтракали. Екатерина заказала чай и яйца «Бенедикт», спросила у официанта пароль отельного вай-фая. Как только он удалился, хакерша открыла рюкзак, включила модем и запустила на смартфоне приложение, позволявшее ей выполнить ее миссию. Взяв сеть под контроль, она создала точную ее копию, присвоила ей то же имя и изменила параметры оригинальной сети, сделав ее невидимой. Злонамеренные хакеры подлавливают с помощью этой схемы беспечных путешественников, радующихся возможности бесплатно подключиться к интернету в туристических местах. Кража их данных занимает буквально пару мгновений.

Екатерина положила смартфон рядом с тарелкой и спокойно приступила к еде.

Стефан Барон вошел в кофейню десять минут спустя, но не с улицы, а из фойе отеля. Как она и думала, он устроился в дальнем кабинете, а его телохранитель – в соседнем. Вскоре появился и клиент Барона. Они обменялись рукопожатиями. У одного на лице читалось напряжение, у другого – приветливость. Не отрываясь от экрана смартфона, Екатерина просматривала идентификаторы подключающихся к ее сети устройств. Телохранитель сидел в телефоне, но Барон и

его собеседник были заняты другим. Теперь достаточно было наблюдать за активностью, чтобы определить, кому какое устройство принадлежит.

Коснувшись одной из иконок, она включила их микрофоны. Все шло по плану. Ее оборудование записывало разговор и ежесекундно выкачивало данные Барона и его клиента. Их еще предстояло дешифровать, что займет куда больше времени... Екатерина планировала взяться за это по возвращении.

Все шло, как предполагалось, до тех пор, пока телохранитель не заметил какое-то движение на экране своего смартфона и не нахмурился. Его устройство снова и снова пыталось подключиться к оригинальной сети отеля. Копируя название сети, Екатерина допустила ошибку, не оставшуюся без последствий... Телохранитель с удивлением обнаружил, что «n» в слове Continental то появляется, то исчезает. Аккумулятор модема, спрятанного у Екатерины в рюкзаке, разрядился, и это непонятное явление становилось все очевиднее.

Мужчина резко поднялся, обогнул диванчик и что-то сказал шефу на ухо. Барон вытащил свой телефон из кармана. Увидев, что телохранитель забрал устройство и выключает его, Екатерина попросила у официанта счет. Она подняла рюкзак, стараясь не встречаться взглядом с подручным Барона, осматривающим зал. На вокзале, в аэропорте или на площади хакера засечь почти невозможно, но в ресторане

задача становится куда проще... Телохранитель изучал лица немногочисленных посетителей, и чутье его не обмануло. Он двинулся к Екатерине, ускорил шаг, увидев, что она встанет, – и потерял последние сомнения, когда официант громко окликнул девушку, бросившуюся к выходу, не оплатив счет.

Спасаясь от преследователя, Екатерина перебежала улицу Стортингсгата и бросилась к сквёру перед Государственным театром и дальше, в сад, где зимой устраивают уличный каток. Она была хорошей бегуньей с сильными легкими и неслась длинными шагами. К тому же в годы бурной молодости ей уже доводилось убегать. Однако телохранитель прошел боевую подготовку и имел солидный послужной список.

Выскочив на оживленную улицу Карла Юхана, Екатерина чуть не попала под колеса мотоцикла и потеряла равновесие. Еле удержавшись от падения, она оглянулась и обнаружила, что ее преследователь, еще достаточно далеко от нее, вытащил пистолет, и кровь заледенела у нее в жилах. Что же такого в телефоне у Барона, если его телохранитель размахивает оружием посреди Осло?

Ей уже лет пятнадцать не приходилось сталкиваться с подобной опасностью.

В те времена, когда Екатерина жила на улице, ее преследовали торговцы, у которых она стащила что-то съестное, пару раз ей случалось уворачиваться от ножа в драках, но никогда еще она не рисковала получить пулю! От страха у нее

открылось второе дыхание и в теле проснулись старые рефлексы. Смешаться с толпой – значит оказаться в безопасности. Но тротуары, по которым она бежала, были почти безлюдны. Пожилая женщина, работник, заполняющий ящики на прилавке перед магазином... Она свернула на улицу Розенкранц, миновала «Дели», потом еще не работающий паб, обогнула фургон службы доставки. Поворот налево – и дальше, вдоль фасада закрытого утром Норвежского театра.

Екатерина мчалась что было духу, боясь, что ее вот-вот схватят за воротник, собьют с ног пинком или – еще хуже – что ее бег остановит пуля. Осмелится ли этот человек выстрелить в центре города?.. Почему бы нет, если у него глушитель. Как далеко он готов зайти, чтобы вернуть похищенные ею данные? И тут ее осенило. Снова налево, к торговому центру «Палеет», где с самого открытия всегда полно местных и туристов. Уйма магазинчиков на двух этажах – идеальное место, чтобы спрятаться. Еще каких-то сто метров. Ей захотелось оглянуться, но она удержалась. Опыт побегов научил ее не поддаваться этому искушению. Обернуться – значит замедлиться, это будет стоить нескольких решающих секунд, и к тому же такую ошибку она уже совершила, когда чуть было не упала.

Екатерина испустила короткий резкий крик, как делают борцы, чтобы исторгнуть воздух из легких и затем получить больше кислорода. Впереди показались двери «Палеет». Ес-

ли преследователь ее не подстрелит, она сможет бороться, осыпать его ударами, звать на помощь – она выдохлась, но не исчерпала все возможности.

Она ворвалась в торговый центр и бросилась вверх по ступеням эскалатора, на второй этаж, расталкивая всех на своем пути. Легкие горели. Ей пришлось остановиться, чтобы сердцебиение замедлилось.

Прислонившись к балюстраде второго этажа, Екатерина взглянула вниз. На короткое мгновение ей показалось, что она оторвалась от приспешника Барона, но тут он появился в зале.

Он что-то говорил охраннику. Тот кивнул и взял рацию. По-видимому, телохранитель сумел убедить его обратиться в службу безопасности, чтобы ее отследили по камерам наблюдения. Пора заканчивать эту игру в кошки-мышки. Мужчина поднял глаза. Она ответила ему полным страха взглядом и нырнула в ближайший магазин одежды. Он наверняка бросится за ней, должно быть, уже поднимается по эскалатору. Екатерина схватила шикарный платок: 300 евро. Кто может выложить такую сумму за кусок ткани? Точно не она, с ее-то зарплатой преподавательницы. Зажав в руке платок, она ждала. Стоило телохранителю войти в магазин, как она шагнула ему навстречу и прижалась к нему. Он был явно удивлен, но вцепился в ее руку.

– Может, поговорим как взрослые люди и не будем распускать руки?

Ошарашенный мужчина молча уставился на нее. Екатерина воспользовалась его смятением, запихнув платок в карман его пиджака и яростно пнув в голень, вынуждая ослабить хватку. И бросилась бежать. Телохранитель устремился за ней, рамка на входе в магазин немедленно засигналила. Мужчину перехватил охранник магазина, и Екатерина выскочила из торгового центра с большим отрывом.

– Ублюдок! – буркнула она, растирая больную руку.

Однако партия не была окончена. Оказавшись на улице, Екатерина из последних сил устремилась к трамвайной остановке. Заскочила в готовый тронуться трамвай все еще в шоковом состоянии. Ноги больше ее не держали, дыхание перехватывало. Она рухнула на сиденье. Трамвай, легонько подрагивая, покатился по рельсам. В кармане завибрировал телефон. Екатерина вытащила его трясущейся рукой, чтобы прочесть появившееся на экране сообщение:

Концерт начинается через час.

Матео намекал на партитуру, которую она получила вчера. По счастливой случайности Екатерина села в трамвай № 19, следовавший вдоль побережья мимо острова Малмойя, до остановки «Ябру» – места встречи, указанного Матео.

– Как мне найти нужный ряд? – набрала она.

– Я подам знак, до скорого.

Трамвай ехал неторопливо; дорога до «Ябру» должна была занять двадцать минут. Устремив взгляд на море, Екате-

рина с беспокойством думала о том, как Матео ее узнает, – и не только об этом. Не дежурил ли он у «Театральной кофейни»? Не стал ли он свидетелем ее панического бегства? И зачем он вообще приехал в Осло? Не связано ли это с исчезновением Майи? Кстати, что он хотел сказать, написав, что «Майя не отвечает»? Не задержали ли ее? Или она решила выйти из «Группы»?

Тем временем трамвай добрался до остановки «Больница». Чтобы прогнать дурные воспоминания, Екатерина взглянула на часы и стала ждать, когда трамвай снова тронется. Со дня смерти матери прошло два года. По странной прихоти судьбы именно ей пришлось закрыть глаза женщине, не хотевшей ее появления на свет. Последние слова той были «Какая бессмыслица». Бессмыслица, которую дочь отказалась сделать характеристикой своей жизни.

Наконец впереди показался красный домик – конечная. Екатерина вышла на улицу и отправилась по указанному Матео адресу.

Десять минут спустя она оказалась перед маленькой типографией Ябру.

Какой-то старик, склонившись над прессом, с бесконечной осторожностью выравнивал большой лист бумаги. Екатерина кашлянула, чтобы дать ему знать о своем приходе, опасаясь отрывать человека от работы в такой, по-видимому, ответственный момент. Старик выпрямился с неожиданным

изяществом. Она извинилась за вторжение и объяснила, что ей «сказали» явиться в его типографию.

– Литографскую мастерскую, – дружелюбно поправил он ее. – Если вы хотите заказать приглашения или бумагу для писем, я вынужден буду порекомендовать вам одного из моих собратьев по ремеслу.

– У меня назначена встреча с другом, но раз вы один в этой мастерской, возможно, я ошиблась адресом...

– Хотите посмотреть, как печатают литографии? – предложил старый мастер.

Не дожидаясь ответа, он закрутил колесо с шестью блестящими рукоятками.

– Ворот приводит в движение станок; когда лист бумаги оказывается под камнем с краской, происходит чудо. Как вас зовут? – спросил он, не отрываясь от работы.

Екатерина представилась. Литограф замер со смущенным видом.

– Вот я болван! А я досаждаю вам подробностями, до которых вам нет дела... Матео ждет вас на берегу, в яхт-клубе. Слишком громкое название для пристани с несколькими суденышками, но чем только люди не гордятся! Я предлагал ему встретиться с вами здесь, но вы же знаете, этот парень любит все усложнять.

– Вы давно знакомы?

– Лучше спросите у него, – отвечал старик. Он снова улыбался. – За мастерской стоит велосипед, берите. Пешком ту-

да идти минут пятнадцать, не меньше. И осторожней, передний тормоз резковат.

Екатерина поблагодарила литографа, обогнула здание и села на велосипед, который он столь щедро ей предложил. Заметив, что тот совсем новенький, она спросила себя, действительно ли он принадлежал старику или же Матео купил его специально для нее... как будто предвидел события сегодняшнего утра.

– *Кто такой Матео?*

– Интересный человек, сложный, как сказал литограф... но, будем справедливы, скорее многогранный, чем тяжелый. Даже внешность у него необычная. Щетина, джинсы, панама на голове... можно принять его за любителя странствий, который круглый год проводит в море! Но стоит ему надеть смокинг – и перед вами аристократ.

– *Что же он носит чаще, джинсы или смокинг? Эта изменчивость – атрибут соблазнителя?*

– Напротив, Матео не стремится быть привлекательным, он испытывает потребность слиться с окружением, быть невидимым наблюдателем... и все держать под контролем. Детские травмы оставили на нем шрамы, которые никогда не изгладятся.

– *Правило «Группы» – никогда не встречаться – было принято, чтобы никто не выявил связь между вами?*

– Именно.

– *Так почему же Матео нарушил это правило?*

– Потому что данные, содержащиеся в телефоне клиента

Барона, оправдывали исключительный риск.

– *Но ведь Матео и Екатерина еще не познакомились с ними!*

– Они – нет, в отличие от меня.

День первый, Осло

Спускаясь на велосипеде с холма по узким улочкам, Екатерина поклялась, что, если сотрудник яхт-клуба велит ей продолжить этот квест на острове Малмойя, она отправит Матео эсэмэску с предложением пойти куда подальше. И даже не придется ничего шифровать. Оставив велосипед у выхода на набережную, хакерша выругалась. Несколько столиков перед деревянной стойкой, за одним какой-то мужчина лет сорока читает газету – мало шансов на то, что он окажется итальянцем, с которым она вела переписку. И никого больше. Единственное утешение – литограф был слишком строг – это местечко оказалось очаровательным. Выкрашенная в голубой цвет кафешка словно перенеслась сюда с греческого острова. Екатерине хотелось есть. Подойдя к стойке, она изучила скромное заламинированное меню – три вида сэндвичей, дешевое белое вино, местное пиво и несколько газировок.

Из кафе вышел рыжеволосый и рыжебородый владелец с ящиком пива в руках. Поприветствовав Екатерину, он спросил, будет ли она обедать.

– Возьму любой из ваших сэндвичей, при условии, что он не вчерашний, – ответила она.

Тот заверил ее, что готовит их сам каждое утро. И его лю-

бимый – лосось с огурцом. Екатерина согласно кивнула и последовала его рекомендации.

– Вы никого больше не видели, кроме того типа за столиком сзади? Мне назначили встречу...

Вместо ответа хозяин заведения взял бутылку пива «Мак» из ящика со льдом, откупорил и небрежно поставил на стойку.

– Рыбаков... они ушли в море рано утро и вернутся только к вечеру, – буркнул он. – А этот, как вы выражаетесь, тип машет рукой, как будто хочет привлечь ваше внимание.

Екатерина обернулась, и ее взгляд встретился со взглядом мужчины. Тот положил газету и жестом предложил ей присоединиться к нему. Заинтригованная, она взяла пиво и сэндвич и двинулась к нему.

– Матео?..

– Кто ж еще? – отозвался он спокойно.

Она молча уселась напротив него.

– Тебя, наверное, удивляет раскосый итальянец?

– Нет... ну вообще да, – пробормотала Екатерина.

– В детстве меня звали Мао, но, когда я перебрался в Рим, меня окрестили Матео, это имя казалось более подходящим... для интеграции.

– Откуда ты?

– Из Рима, я же тебе сказал.

– А до Рима?

– Это долгая история, тебе станет скучно.

– Не знаю, что пошло не так утром, – продолжила Екатерина, – но...

– Поздновато задаваться этим вопросом, – прервал ее Матео. – Ведь я же тебе отправил сообщение, чтобы ты позволила действовать мне.

– Я ничего не получала. И с чего бы мне позволять действовать тебе, ведь это было мое задание. Ты мне не доверял?

– Я не доверял погоде... ты должна была работать с террасы. А поскольку дело касается крупной добычи, я предпочел проявить предусмотрительность... И правильно сделал, верно?

Высокомерие Матео вызывало резкую неприязнь.

– Ты был в кафе? – сухо спросила Екатерина.

– Я не допустил такой неосторожности. Расположился в фойе – идеальное место, чтобы взломать сеть, не рискуя быть замеченным. Если бы ты немного подготовилась, то избежала бы всех этих проблем.

Екатерина была человеком не того склада, чтобы терпеть снисходительное отношение и уж тем более нотации. Она поставит его на место и для начала напомним ему, что в «Группе» нет иерархии.

– Это ты устроил бардак, прицепившись к моему модему, наши соединения наложились друг на друга.

Матео ухмыльнулся.

– Откуда ж мне было знать, что ты не последуешь моим инструкциям? Я это понял, когда ты бросилась бежать.

– Твоим инструкциям? Да за кого ты себя принимаешь?! И кстати, спасибо, что пришел на помощь!

– Пару минут назад ты меня упрекала, что я тебе не доверяю. Как видишь, ты не права. Я не сомневался, что ты смоешься от этого парня, Осло – твой город. И потом, нужно было закончить твоё задание.

Она достаточно наслушалась и, резко отодвинувшись от стола, собралась уходить, что ничуть не смутило Матео.

Он достал из кармана карту памяти и выложил её на стол.

– Вот содержимое мобильного Барона и того типа, с которым он встречался. А ещё мне удалось установить шпиона на их телефоны.

Екатерина смотрела на карточку с растерянностью – и раздражением – из-за того, что Матео заткнул её за пояс.

– Я очень удивлюсь, если твой шпион ещё работает, – сказала она, взяв себя в руки. – Подручный Барона – не простой телохранитель, иначе бы он меня не засек. Он наверняка уничтожил сим-карту и поставил новую.

– Возможно, но он точно не уничтожил модный «блэк-берри» своего шефа, это редкая модель, она стоит в районе тысячи долларов. Барон – известный жмот, достаточно увидеть, как он одевается... мой шпион в сопроцессоре. Пусть меняет сим-карту сколько угодно, это ему не поможет. А теперь ты можешь поаплодировать мне и признать, что имеешь дело с мужчиной, располагающим неожиданными возможностями...

– И неожиданной скромностью... А ведь он знает, что мы к нему прицепились.

– Разговор с клиентом, судя по всему, говорит об обратном.

– Его клиент – Викерсен, лидер Национальной партии, неонацист с манией величия.

– Ну да, и мания величия Вickersена нас выручила. Он без тени сомнения заявил, что ты – журналистка, интересующаяся его, и только его, персоной. Не стану скрывать, что после твоего побега обстановка была довольно напряженная, но он успокоил Барона, объяснив ему, что левая пресса не оставляет его в покое... Плата за растущую известность.

– За растущую известность?.. Вickersен известен разве что в ресторанах, где он любит бывать, ну и среди крайне правых, но вряд ли где-то еще, как мне кажется.

– Тогда откуда ты его знаешь?

– Лет десять назад в новостях только о нем и говорили, его подозревали в связях с Брейвиком, организатором бойни в Осло и на Утойе. Власти не смогли собрать достаточно доказательств его соучастия, но из-за этой шумихи его рейтинг у ультранационалистов подскочил. Однако уверяю тебя, что дальше дело не зашло.

– Значит, цель его встречи с Бароном – поднять свой рейтинг еще выше.

– Возможно, – допустила Екатерина. – Ему нравится строить из себя жертву системы, чтобы создать приличный

имидж. Барон теряет здесь время зря. – Она выругалась. – Националисты не смогут прибрать к рукам Норвегию. Ты уверен, что он ничего не заподозрил?

– Этот заносчивый жмот слишком упивается собой, чтобы подумать, что кто-то осмеливается перейти ему дорогу. Он ни на мгновение не усомнился, что ты охотилась за Викерсеном. Скандальный лидер крайне правой группировки может оказаться мишенью местной журналистки с большей вероятностью, чем незаметный американский консультант.

– Значит, все прошло не так уж плохо... Конечно, если не говорить о том, что его телохранитель гонялся за мной с пистолетом.

Матео ошеломленно уставился на Екатерину:

– С настоящим пистолетом?!

– Мне хотелось остановиться и спросить у него, не игрушка ли это, но я передумала, догадайся почему.

Матео взял карту памяти и протянул ее Екатерине.

– Значит, все не «не так уж плохо», а куда лучше. Раз дошло до этого, значит, данные, которые мы у них похитили, действительно ценны. Остается только дешифровать их и порадоваться...

Екатерине подумалось, что с его стороны очень мило все же отметить ее вклад в успех миссии. Ведь бегство по улицам Осло вовсе не похоже на достижение, во всяком случае, это подвиг не из тех, которыми ей хотелось бы хвастаться.

– Что это за прога и как она работает?

– По тому же принципу, что и зеркало без амальгамы в полицейском участке. Мы можем все видеть и все слышать при условии, что объект сидит в допросной, а мы – по ту сторону стекла.

– Ты всегда так цветисто выражаешься? – язвительно спросила она.

– Начну с начала. Я заразил их телефоны вирусом, который постоянно записывает данные: эсэмэски, почту, фотографии, файлы и разговоры. Но чтобы получить их, нужно подключиться к той же сети, теперь поняла?

– Спасибо, я поняла и с первого раза, просто, по-моему, ты пользуешься устаревшей системой.

– Устаревшей, но незаметной. Так мы можем следовать за нашими жертвами на расстоянии, а в подходящий момент устанавливать связь со шпионами, так меньше риск, что нас вычислят.

Екатерина прикончила пиво и оглядела Матео.

– А меня ты себе какой представлял? – поинтересовалась она.

– Я вообще тебя не представлял, – ответил Матео.

– Врешь. Можно спросить, чем ты занимаешься в настоящей жизни?

– В настоящей жизни? Странная формулировка. «Группа 9» – реальность, конечно, если ты не считаешь ее сном... или вообще кошмаром?

– Как-то, еще подростком, я стащила на блошином рын-

ке крошечный бинокль, такой, каким пользуются в театре. Я никогда не ходила в театр и понятия не имела, зачем этот бинокль нужен, но мне он показался красивым. Я посмотрела сквозь него из любопытства, было так забавно видеть мир сжавшимся, – не слишком значимое впечатление, но, как ты говоришь, странное. Когда я вернулась в центр, все надо мной смеялись – девочка с соседней кровати объяснила мне, что я смотрела не с той стороны. Так вот, ответ на вопрос, кошмар или просто сон, порой зависит от точки зрения.

– Что за центр?

– Это долгая история, тебе станет скучно. Ты не ответил на мой вопрос.

– Чем меньше мы друг о друге знаем, тем меньше рискуем.

– Так ты же нарушил правило и устроил нашу встречу... Да и вообще, кто их придумал, эти правила?

– Предполагалось, что эта встреча не состоится. Если бы сегодняшнее утро прошло спокойно, нас бы здесь не было. Это не игра, и чем ближе мы подбираемся к влиятельным людям, тем серьезнее все становится. Они охотятся за нами так же, как и мы за ними. Тот, кто оступится первым, рискует потерять все.

– Ты так говоришь, как будто это все же игра.

– Ну, значит, опасная игра.

– Кем ты работаешь, что можешь себе позволить поездку в Осло посреди рабочей недели?

Матео с улыбкой взглянул на Екатерину:

– Какое впечатление обо мне у тебя сложилось за все эти годы виртуального общения?

– Никакое.

– Врешь. – Улыбка стала еще шире.

Его взгляд скользнул по груди Екатерины.

– Ты замерзла? – спросил он.

– Нет, почему ты так решил?

– Нипочему. Так ты ответишь на мой вопрос?

– У тебя приятный голос, уже неплохо.

– Первый раз такое слышу!

– Все когда-то бывает впервые... Что за проблема с Майей, с ней что-то случилось?

– Понятия не имею. Несколько дней назад она отправила мне странное сообщение – якобы она, вернувшись домой, обнаружила подарок от своего мужчины, и такой дорогой, что задумалась, не предназначен ли он любовнице.

– Да это же шифровка! А что за подарок, она не написала?

– Нет.

Екатерина поднесла пустую бутылку к губам и задрала ее повыше, чтобы собрать последние капли пива.

– У Майи нет мужчины, – наконец сказала она.

– Хорошие люди часто бывают одиноки – но откуда ты знаешь?

– Если б у нее был мужчина, он был бы женщиной, так что, раз она написала тебе о парне, значит, пыталась тебе что-то

этим сказать.

– Я крутил ее слова и так и сяк, без толку. И пытался с ней связаться, но с тех пор она молчит.

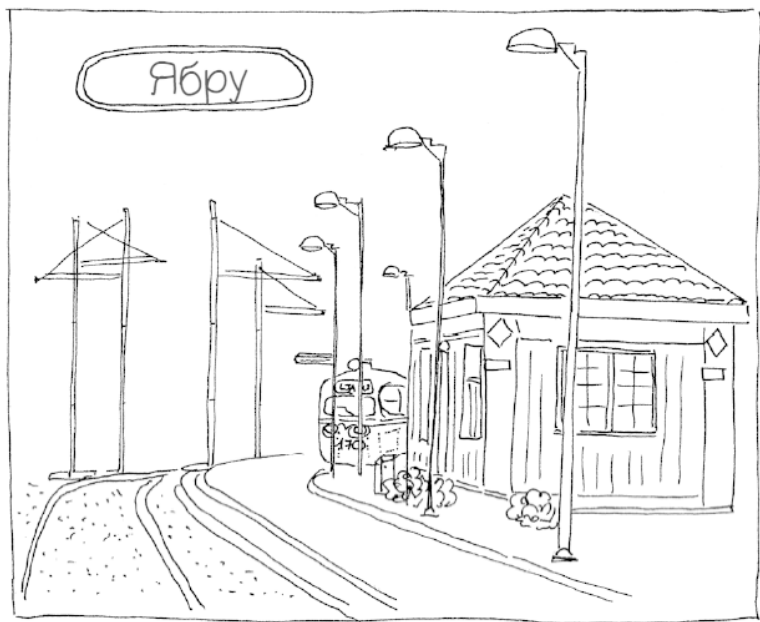
– Майя часто путешествует по работе, может, у нее перелет с долгой пересадкой.

Матео заказал у владельца ресторанчика еще по пиву и поднялся, чтобы забрать их со стойки. Екатерина обнаружила, что он выше, чем ей казалось; от него исходила сила, не оставившая ее равнодушной.

– Похоже, ты много о ней знаешь, – заметил он, вернувшись за столик.

– Только то, что она захотела мне открыть в прошлом году, когда мы занимались взломом серверов «Монсанта». Если она была в недостаточно безопасном месте, то не выходила на связь. И если это продолжалось слишком долго, мы отправляли друг другу письма по почте до востребования. Ужасно признать, что люди изобрели удивительное средство связи, а потом превратили его в такой инструмент контроля, о каком самые авторитарные правительства даже и не мечтали. Чтобы рукописное письмо было безопаснее электронного... Это безумие. В общем, иногда в этой зашифрованной переписке она мне доверялась. Майя много путешествует, она турагент. У нее даже есть блог. И мне это кажется неосторожным с ее стороны, кстати говоря. Конечно, она никогда не выкладывает селфи, только фотографии из поездок и не в реальном времени.

– Жить обычной жизнью – тоже осторожность, – заметил Матео.

– Я встаю в пять утра и весь день преподаю, пытаюсь воззвать к совести разочаровавшихся в учебе студентов, а вернувшись, только и делаю, что готовлюсь к завтрашним занятиям. По выходным проверяю работы, а когда наконец у меня появляется пара свободных минут, чтобы перевести дух, я охочусь на мерзавцев мира сего через экран компьютера.

Не думаю, что мою жизнь можно назвать обычной.

– Я не это хотел сказать, – возразил Матео. – Нет ничего подозрительнее, чем отсутствие человека в сети. Но интересно было бы узнать, почему Майя тебе доверилась...

– Потому что она за мной ухлестывает. Ладно, давай я сэкономлю твое время. В лексиконе Майи «подарок» означает «отъезд». То есть она сообщает тебе, что уехала. Слово «ценный» указывает на то, что это может иметь отношение к «Группе». Улавливаешь?

– Не вполне...

– Но ведь все просто: «Я получила подарок от клиента» – это деловая поездка; «Вернувшись домой, я обнаружила ценный подарок» означает, что она решила уехать, получив какую-то важную информацию. Понял?

– Что за дурацкая шифровка!

– Может, и дурацкая, но работает. Как доказательство – ты вообще не врубился. А вот что она подразумевает под «любовницей», непонятно. Другая загадка – почему она не отправила это сообщение мне?

– Может, она и за мной ухлестывает? – с лукавством предположил Матео.

– *Кто такая Майя?*

– Самая чокнутая из «Группы» и самая отважная. По крайней мере, в то время это было так. Майя никогда не следовала правилам.

– *Что же это за правила?*

– Помимо тех, о которых уже заходила речь, – никогда никому не говорить о «Группе», даже близким; никогда не впускать в свои дела третьих лиц; никогда не совершать кибератаки без тщательной подготовки и никогда не повторять одно и то же дважды, чтобы тебя не вычислили; уметь остановиться, когда обстоятельства того требуют, и наконец, работать вдвоем, втроем, но никогда – вдевятиером, чтобы не подвергать «Группу» опасности. Однако в итоге мы отказались от всех этих мер предосторожности, в том числе от самой важной: оставаться по ту сторону экрана, а если вдруг придется действовать на местности – держаться на расстоянии от объекта. Но профессия Майи давала ей свободу, в которой она себе не отказывала. Я расскажу вам, что произошло за несколько дней до встречи Матео и Екатерины в яхт-клубе Яна...

За несколько дней до описанных событий, Париж

Майя смотрела, как металлические рольставни разворачиваются перед витриной турагентства. Позвякивание цепочки успокаивало, как будто занавес, закрывая ее рабочий день, возвращает ей свободу.

Майи две – дневная и ночная, – и эти личности полные (или почти полные) противоположности друг друга; в сущности, так жил каждый член «Группы 9», но у нее эта двойственность была более выражена.

Она отпустила помощника на полчаса раньше. После пяти вечера клиенты уже не звонили. Как обычно, зашла в подсобку, передела юбку и блузку с запахом на спортивный костюм, чтобы пробежаться по берегам Сены. Мобильник зазвонил, она посмотрела на экран и, не став снимать трубку, ответила подруге эсэмэской – она опаздывает с оформлением документов и не сможет с ней поужинать, как обещала. Ложь, продиктованная сиюминутной прихотью, обычное для нее дело. Майя вернулась в офис, достала зеркальце из ящика и поморщилась при виде отражения. Поправляя макияж, она попыталась вспомнить, когда в последний раз чувствовала себя беззаботной. Эта мысль лишила ее желания идти на пробежку.

Она вышла из турагентства через заднюю дверь и по съез-

ду подошла ко входу на парковку «Альма». Парковщик ресторана «Мариус и Жанетт» уже заступил на смену. Она отдала ему ключи, улыбаясь их маленькой махинации. Майя пользовалась одним из парковочных мест, арендуемых этим заведением, прямо напротив будки охранника. За эту услугу она в конце каждого месяца выдавала Альберу стоевровую банкноту. Парковщик отправился за ее «остин-купером». Такую модель теперь нечасто увидишь на парижских улицах: зеленая с белой крышей, бакелитовый руль, кожаные сиденья «Коннолли», деревянная ручка переключения передач. Приземистая и юркая машина. Возвращаясь из поездок, Майя очень радовалась воссоединению с ней. У каждого свое прибежище, и для Майи им была эта машина – подарок отца к ее двадцатилетию. Порой, взглянув на пассажирское сиденье, она явственно видела, как он учит ее искусству двойного выжима сцепления.

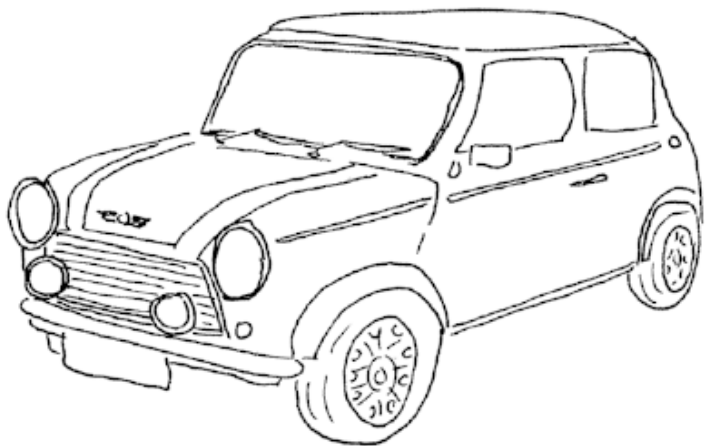
На выезде с подземной парковки послышался шум мотора. Парковщик умел управляться с ее машиной: он затормозил так, что шины даже не скрипнули. Майя поблагодарила его, когда он придержал для нее дверцу, и устроилась на водительском сиденье, обдумывая, каким маршрутом лучше будет добраться до ее квартиры в Марэ. Дома она поваляется в ванне, закажет суши и проведет вечер перед телевизором, то поглядывая в экран, то проверяя лайки своих последних фоток в инстаграме. Более эффективный способ привлечь

клиентов, чем витрина на авеню Марсо, аренда которой обходилась ей в кругленькую сумму... Но отец был так привязан к этому турагентству, что Майе иногда казалось, будто там бродит его призрак. «Статус бесценен», – повторял он ей, обучая азам ремесла. Когда она подросла, он стал брать ее во все поездки, чтобы она повидала мир и познакомилась с его главными клиентами, ни на минуту не сомневаясь, что когда-нибудь дочь его сменит, и даже не подозревая, что после двадцати она будет зарабатывать не только планированием путешествий богачей.

Мобильник Майи зазвонил, но не ее обычный, а другой, одноразовый, и это значило, что ей придется отказаться от планов. Когда после третьего сигнала звонок оборвался, она окончательно в этом уверилась. Она развернулась на авеню Георга V, проехала по берегу Сены до моста Бир-Акем и, сбавив скорость, устремилась в туннель Ситроен. Каждый второй вечер здесь дежурили полицейские с ручным радаром, подлавливавшие олухов, не знающих о засаде.

Авеню
Георга V,
Париж

Круг, несколько улиц, съезд на бульвары Маршалов и, наконец, новая подземная парковка, спуск на последний уровень и остановка у дальней стены. Майя погасила фары и выключила мотор, бросив взгляд в зеркало заднего вида. Убедившись, что на парковке пусто, она вышла из машины и направилась к двери технического помещения. Подошла вплотную к маленькой камере, которая просканировала ее сетчатку, дождалась, чтобы панель отъехала в сторону, и нырнула в потайную комнату с серыми стенами, освещенную люминесцентной лампой.

Обстановка здесь была спартанская: стул и металлический стол, на котором ее дожидался конверт из крафт-бумаги. Распечатав его, она вытащила фотографию девочки – ни-

какой подписи на обороте. Сколько ей, семь или, может, восемь? Мать определила бы возраст точнее. Кто же эта девочка с лицом усталого ангела?.. На дне конверта Майя обнаружила визитку с печатным текстом:

21:30, интернет-кафе, Римская улица

К чему этот квест? Надежнее места, чем «логово трех обезьянок» – таково было название этой звукоизолированной и непроницаемой для излучения комнатки, где тебя не видно, не слышно и нет связи, – не найти. Оно полностью отрезано от мира.

Что-то не складывалось. Майя села, чтобы подумать. Торопиться незачем. Возможность понять и усвоить информацию, которая ни в коем случае не должна утечь, и была смыслом существования логова.

– Кто вызвал ее в логово?

– Несколькими годами ранее общая разведка завербовала Майю в курьеры. В поездках ей доводилось сообщать что-то на ухо посетителю музея, оставлять записку в кармане одежды, которая отдавалась горничной в отеле, прятать флешку в туалете ресторана, получать посылку или украдкой что-то фотографировать. Кто бы мог ее заподозрить? Майя занималась организацией поездок vip-клиентов крупных компаний. Когда она кого-то сопровождала или занималась подготовкой в одиночестве, у нее был доступ в лучшие отели мира, она знала все их входы и выходы благодаря консьер-

жам, парковщикам, портье, местным гидам, а иногда даже и полицейским, которым платила за обеспечение безопасности клиентов или за оформление специальных разрешений. Майя была идеальным посыльным.

– *Посыльным... То есть она не агент общей разведки?*

– Нет, ее использовали как наемницу. Для них это было преимуществом. Случись что, и Майя не смогла бы связаться со своими нанимателями и на них никак не вышли бы, потому что они, в строгом смысле этого слова, не являлись ее работодателями. Ее услуги стоили дорого, но молчание и эффективность оправдывали затраты.

* * *

Майя вышла из логова и села в «купер» по-прежнему в смятении. Может, кто-то воспользовался официальным каналом разведки, чтобы передать ей совершенно неофициальное послание? Зачем же, в таком случае? Она надеялась, что в назначенном месте все прояснится.

Двинувшись в сторону Европейского квартала, Майя остановилась на светофоре и воспользовалась этой минутой, чтобы еще раз взглянуть на полученную фотографию.

– Кто же ты? – прошептала она.

В ожидании новой информации Майя заключила, что отправитель или отправительница этого снимка плохо владеет искусством оставаться в тени. В интернет-кафе всегда есть

камеры, и за местными компьютерами следят еще бдительнее, чем за другими. Но в ее сумочке было кое-что как раз на такой случай: планшет 4G с одноразовой симкой. Она припарковала «купер» на Римской улице в двадцати метрах от назначенного места.

Через несколько минут девушка проникла на сервер интернет-кафе и подключилась к одной из консолей. Теперь виртуально она была там и могла ждать, когда ее контакт даст о себе знать.

Внезапно на экране планшета появилась последовательность цифр и букв, подтверждающая подлинность соединения. Майя набрала пароль, чтобы тоже аутентифицироваться.

Вскоре на экране появился другой текст:

@C 9# I2_ V27/iITQ

Сидя за рулем «купера», девушка занялась его расшифровкой.

«C 9» означало «важная посылка», но ничего не говорило о ее содержанием.

– что она должна ее забрать и доставить по нужному адресу.

«I2» значило, что она получит дальнейшие инструкции письмом до востребования.

Майя ввела в программу на планшете вторую часть полученного сообщения:

Появилась карта города, и Майя тут же узнала Стамбул. Кодирование недавно было изменено. Если кто-то взломал канал службы разведки, он явно очень хорошо информирован...

Получение ценной посылки за рубежом не оговаривалось в ее контракте. Зачем поручать такую миссию простому курьеру? Очень странно. Опасения Майи были обоснованы: если ее поймут в Турции, это не останется без последствий. Как бы убедиться в том, что распоряжение исходит от ее обычных нанимателей? Выбор интернет-кафе в качестве места связи был настолько нелогичным, что она подозревала ловушку.

Майя выключила планшет, вытащила сим-карту, сожгла ее в пепельнице спичкой, развернулась и направилась в Марэ.

– *Вам было известно о ее параллельной деятельности?*

– Да.

– *А другим?*

– Нет, им незачем было знать о том, чем она занималось помимо хакинга. Но, когда они об этом узнали, кое-что выяснилось.

– *Что же?*

– «Группа» состояла из выдающихся хакеров, а не из супергероев. Они обычные люди со своими слабостями и до-

стоинствами, но гениальные кодировщики. Мы превосходили всех – русских, китайцев, американцев... За плечами у Майи был более солидный опыт полевой работы, правило «не выходить из-за экрана» к ней было неприменимо.

– И это ни разу не вызывало никаких подозрений в «Группе» за все время?

– Екатерина говорила, что якобы что-то почувствовала, но мне кажется, ей просто захотелось порисоваться.

– Получается, что у Майи три личности: турагент, курьер разведки и хакер «Группы 9»? Почему только вам было об этом известно?

– Если вы хотите по-настоящему понять произошедшее, мне лучше не забегать вперед, так что давайте вернемся в Осло.

День первый, Осло

Сидевший в кафе при яхт-клубе в Яне² Матео смотрел куда-то вдаль, в сторону острова Малмойя. Вид у него был встревоженный – редкое для него состояние.

– Тебе не стоит появляться в центре города в ближайшие дни. Если бы я был подручным Барона, то перевернул бы все вверх дном, чтобы отыскать «журналистку», охотившуюся на моего шефа и на этого Викерсена. А обнаружив, что ее не существует, насторожился бы еще больше.

– И что бы ты предпринял, будь ты этим типом, вытацившим пушку? – беспечным голосом спросила Екатерина.

– Попытался бы выяснить, кто эта девушка. Будем надеяться, что служба безопасности отказалась выдать ему записи с камер наблюдения торгового центра. Но, когда ты убежала от него, тебя наверняка засекли камеры банка или другого заведения. В большом городе нельзя сделать ни шагу, не попав на пленку. Несколько тысяч крон – и какой-нибудь не слишком щепетильный сотрудник проявит большую сговорчивость, нежели охрана «Палеета».

Екатерина вспомнила подлый прием, которым избавилась от приспешника Барона. У него определенно имелись все ос-

---

² Ян – приморский район Осло.

нования потребовать просмотра видеозаписей: доказать, что он не крал платок. Так что получение скриншота будет простой формальностью. А среди националистов он найдет достаточно добровольцев-хакеров, которые перероют норвежские серверы, чтобы ее опознать.

Однако паниковать ни к чему. Она уже не девочка, состоявшая на учете в нескольких полицейских участках Осло. Даже если кто-то взломает серверы ее банка, транспортных служб и факультета, где она преподает, маловероятно, чтобы программа распознавания лиц соотнесла предоставленные ею фотографии с ее реальной внешностью. Снимаясь в автоматах, она надевала то светлый парик, то темный, никогда не фотографировалась со своим настоящим цветом волос и запихивала вату за щеки, чтобы скулы казались выше. Конечно, случалось, что какой-нибудь сознательный служащий кривился, изучая ее удостоверение, но находчивый ответ – «Ну да, это я, я же не слишком изменилась за полгода? Хотя, может, это из-за лекарств...» – всегда ее выручал.

В вопросах анонимности членов «Группы» Матео становился настоящим параноиком. Не могло быть и речи о том, чтобы поделиться с ним своим беспокойством, пусть даже обоснованным. Он может добиться ее исключения из «Группы». А этого она боялась больше, чем преследования вооруженного громилы.

– Что-то ты притихла, о чем думаешь?

– Ты только со мной встречался?

– Я как-то ужинал в ресторане Диего, давно, но для него был просто одним из клиентов.

Екатерина не стала спрашивать у него, как выглядит Диего: Матео ей не ответил бы. Зато она узнала, что у него есть ресторан.

– А Корделия? Ты знаешь, чем она занимается?

– А ты?

– Забавно, ты ведешь себя так, как будто ты выше нас. Если Диего не знал, кто ты, откуда ты узнал, кто он?

– Скажем так, по счастливой случайности.

– Это не ответ... Ты что, считаешь себя нашим боссом?

– Я хоть раз за все время, что мы работаем вместе, давал тебе повод думать, что считаю себя главнее?

Екатерина поймала его взгляд, и между ними повисло молчание. Напряжение стало настолько ощутимым, что владелец кафе встревожился и уточнил у них из-за стойки, все ли в порядке. Матео успокаивающе помахал рукой.

– Видишь, даже в самом укромном месте находится кто-то, кто за тобой наблюдает, – вздохнул он. – Дирижер не отдает своим музыкантам распоряжений, он управляет игрой оркестра.

– Ну управляет же, – заметила Екатерина, – и потом, ты сказал «своим музыкантам». А ведь мы существуем ради того, чтобы бороться с тиранией мелких и крупных начальников.

– Если ты именно так обо мне думаешь, то это нелепо и

оскорбительно.

– Я просто пытаюсь понять твои действия утром. На дождь можно свалить что угодно.

– Вряд ли ты можешь ставить мне это в упрек, я же тебя предупредил. Запомни раз и навсегда: у нашей «Группы» нет босса, но, признаюсь, это я был объединителем, – заявил Матео.

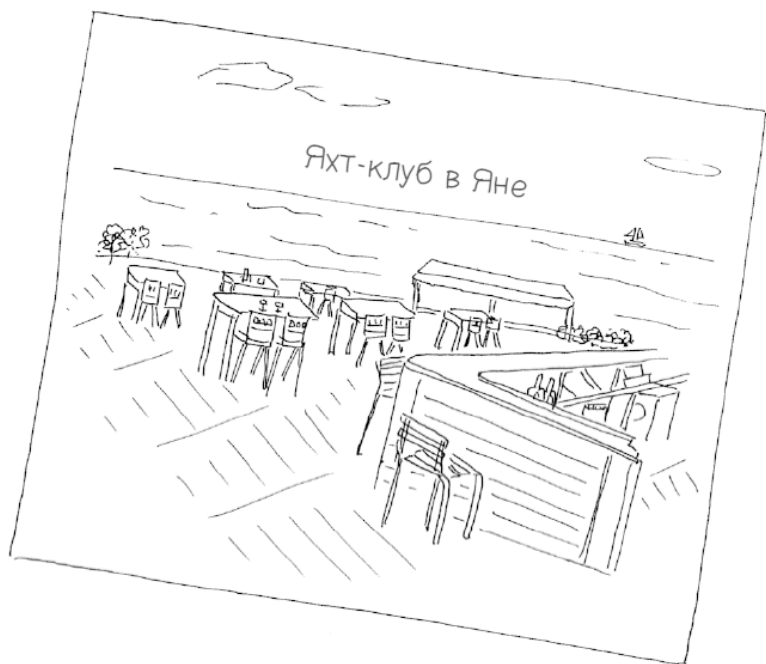
Его признание лишило Екатерину дара речи. Объединителем или инициатором? Для нее этот вопрос имел огромное значение. «Группа» была ее единственной семьей – семьей, которую она обрела спустя годы неприкаянности. По идее ее профессия – преподавательница – должна была определять ее личность; так и было, но в обществе. Настоящая личность Екатерины раскрывалась в ее тайной деятельности, в которой она и видела смысл жизни. Как если бы настоящий мир Алисы был по ту сторону зеркала...

– Допустим, – наконец сказала она. – Тогда кого же ты завербовал первым? И какой номер дал?

– Ты ошибаешься по всем пунктам. Я не говорил, что я организатор – я был объединителем, да и то лишь на время. Нас девять, и мы были связаны друг с другом еще до того, как об этом узнали, – у нас одни ценности, одни цели, один кодекс поведения. Мы выбирали одни и те же мишени и, что странно, даже работали похоже. У каждого из нас свои навыки, свои таланты. Мы следуем правилам безопасности, которые никто нам не навязывал, просто они кажутся нам оче-

видными, мы – заговорщики, виртуальные друзья, но наша дружба настоящая. Ни у кого из нас нет номера, это противоречило бы нашим принципам. У звезды нет первого луча.

– Лучи звезды... – повторила Екатерина. – Мне нравится этот образ, он нам хорошо подходит. Тебе неплохо даются дурацкие метафоры, Матео.

– Спасибо за комплимент.

– Ты волнуешься за Майю?

– Иначе я бы тебе об этом не рассказал.

– Она явно где-то далеко, там, где выходить на связь небезопасно. В прошлом году, когда она уехала в Таджикистан, я не получала от нее новостей неделю, и то же самое было, когда она...

– Я волнуюсь не из-за ее поездок, а из-за ее сообщения. И то, что ты мне сказала, меня не успокаивает.

При этих словах взгляд Матео изменился. Как будто за ними стояло что-то еще, что-то угнетающее.

– Что ты от меня скрываешь? – спросила Екатерина, накрыв его руку своей.

Хотя доверительный жест застал его врасплох, он не шевельнулся.

– Конечно, наши последние операции тоже были рискованными, но типы вроде Барона по-настоящему опасны, как ты могла убедиться утром.

– Опаснее торговцев живым товаром, на которых мы напали в прошлом году, или латиноамериканского диктатора, чьи счета в США нам удалось заблокировать? Помнишь, когда в «Нью-Йорк таймс» опубликовали наш материал, мы все исчезли из сети на три недели. Мне везде мерещились шпионы и агенты ЦРУ... А в итоге все обошлось.

На сей раз Матео убрал руку прежде, чем ответить.

– Мысль о том, что тебя могут подстрелить, намного страшнее, чем то, чего я боялся.

– Ладно, – уступила она, – обещаю, что не буду шлаться рядом с твоим отелем.

– Тебе стоило бы уехать из Осло на пару дней, пока все немного не прояснится.

– Уехать куда? У меня не такая работа, чтобы путешествовать когда заблагорассудится, и к тому же мне нужно заниматься дешифровкой. Ты слишком нервничаешь, Матео. У подручного Барона наверняка есть дела поважнее, чем искать, кто следил за Викингсеном. Через несколько дней его шеф отправится в другие края, чтобы превратить их в ад, и лучше бы нам выяснить, где состоится его следующая встреча – а главное с кем.

– Моя прога своевременно нас об этом известит.

– Мне казалось, нужно быть где-то рядом, чтобы она работала.

– Именно. Я остановился в том же отеле, и мы взломали локальную сеть. Меня-то не вычислили!

– У тебя кто-то есть?

– А что? – удивился Матео.

– Да то, что женщинам быстро надоедают мужчины, которые всегда хотят быть правыми.

– А мужчинам быстро надоедают женщины, которые их осуждают на пустом месте, верно?

Екатерина улыбнулась: Матео не теряется с ответом. Он встал, оплатил счет наличными и предложил ей следовать за ним.

Они прощлись по берегу бухты. На прощание Матео назначил ей встречу завтра. В то же время, в том же месте. К этому моменту ей нужно будет дешифровать выкачанные из мобильного Барона данные.

– *Все члены «Группы» знакомы между собой?*

– Нет, мы обменивались информацией на форумах, когда готовились к взломам, иногда действовали командами, но никогда – все вместе, как уже было сказано. Хотя состав команд менялся, никто не мог похвастаться тем, что работал со всеми членами «Группы». Нас связывала особенная дружба, мы были очень близки, интересовались друг другом, но многого друг о друге не знали.

– *Например?..*

– Например, о двух лицах Виталика или о том, что Корделия и Диего – брат и сестра... и что их связывали не только узы крови, но и некое соглашение.

За десять лет до описанных событий, Мадрид

Июнь 2010-го, Диего двадцать. Он учится на втором курсе факультета информационных технологий Мадридского университета имени Карла III и показывает себя необычайно одаренным студентом. Начинающийся день определит всю его жизнь... Он заскакивает в автобус и улыбается своей сверстнице, с которой случайно встретился взглядом. Диего обаятелен, но не знает об этом, что делает его еще привлекательнее. Кажется, девушка не возражает против того, чтобы он сел рядом с ней. Он видит на ее коленях книгу и шепотом сообщает ей, что ему ужасно понравился этот роман. Она думает, что это неправда, что он сказал это, только чтобы ее склеить, но тут Диего признается, что очень привязался к одному из персонажей, к Корделии, видимо, просто потому что так зовут его сестру. И тогда его соседка понимает, что он не выпендривается, и его искренность ее трогает. Ничего не говоря, она достает ручку из холщовой сумки с надписью «US Army», что-то пишет на закладке и протягивает ему; автобус тормозит.

Девушка встает, Диего тоже поднимается, чтобы ее пропустить, и бросает взгляд на закладку. На ней написан адрес электронной почты: Alb2010@uam.es. И ничего, что указывало бы на имя незнакомки. Тем временем та уже выходит

из автобуса, и он кричит ей вслед:

– Как тебя зовут?

Но двери уже закрылись, и она показывает ему с улицы, чтобы он ей написал.

Доменным именем @uam.es пользуются только студенты Мадридского автономного университета. Рядом с этой остановкой находится факультет биоинформатики, на который Диего чуть было не поступил – его интересовало это направление, – но в итоге предпочел программирование. Может быть, она там учится? Он знает, что его манера общения редко вызывает энтузиазм у девушек, которые ему нравятся, но, если она на биоинформатике, возможно, ему очень повезло. То, как она открыла ручку зубами, как грызла колпачок, пока писала... Она лучилась радостью жизни, а ее фигура была... Диего пытается подобрать слово... ангельская. Он хочет помахать ей на прощание, пока автобус не тронулся, но девушка уже торопливо удаляется от остановки.

Он, похоже, тоже опаздывает – движение плотное, и до его остановки еще далеко.

После занятий он поспешит в центр города, заступать на смену в ресторане. Быть официантом – изнурительный труд, но в таком знаменитом заведении это еще и большая честь. Ему нужна эта работа, чтобы родителям не приходилось платить за его обучение. Он смотрит на прохожих, время от времени задумчиво поворачиваясь к витрине. Упоминание имени Корделии вывело его из равновесия. Он ужасно скучает

по сестре. С тех пор как она получила стипендию Массачусетского технологического института в Бостоне, она ни разу не прилетала в Испанию, не хватало денег. Уже два года... Корделия и Диего всегда были неразлучны, по крайней мере до тех пор, пока учеба их не разлучила. Каждое воскресенье они пишут друг другу длинные письма от руки, сканируют и отправляют по электронной почте. Это кажется немного старомодным, но Корделия считает такую переписку более настоящей. Она утверждает, что в рукописном письме первоначальные намерения всегда заметны, даже если их вымарать. Сколько Диего ей не доказывал, что ничто не мешает ему переписать черновик, Корделия стояла на своем, дескать, он для этого слишком ленив. И, поскольку она была права – она часто бывает права, – это превратилось в настоящую игру. Угадать, что скрывают вымаранные строки, расшифровать несказанное...

Диего постоянно куда-то спешит – из одной аудитории в другую, из одного автобуса в другой, но единственное место, где ему нравится спешка – это ресторан. Переводить дух перед шеф-поваром и его командой, наблюдать за приготовлением блюд, за тем, как их выкладывают на тарелки, а потом тут же их разносить... Ему нравится украдкой следить за выражением удовольствия, появляющимся на лицах посетителей, когда они пробуют поданное. У Диего обостренное чувство чести, и он гордится тем, что стал частью такой талантливой команды.

Вот уже полгода, как он может гордиться еще и удачным взломом сервера одной калифорнийской киностудии. Диего обожает кино; в детстве он мечтал стать режиссером, но передумал – слишком уж это ненадежное ремесло. И загорелся идеей получить секретный доступ к фильмам, которые никогда не покажут в Испании.

Его забавляет тот факт, что его код никто не может отследить; он каждую неделю перемещает его в программе, работающей с фильмами крупной американской продюсерской компании. Однако он остерегается делиться с кем-то своими достижениями, чтобы не попасться.

Устроившись за партой, он смотрит на часы. В Бостоне два, Корделия тоже должна быть на занятиях. Он открывает окошко на экране, чтобы отправить ей простое сообщение:

– Привет, что делаешь? – И ответ не заставляет себя долго ждать.

– Занимаюсь, как и ты, вернее, в отличие от тебя, потому что ты мне пишешь.

Он рассказывает ей о встрече в автобусе, не опуская ни единой детали. Окошко мигает, и он видит:

- И о чем же ты думаешь, дурень?
- У меня нет шансов, да? – отвечает он.
- Нет, я не это хотела сказать.
- Тогда почему ты называешь меня дурнем?
- Потому что ты сейчас должен писать ей, а не мне. Она же дала тебе свой адрес, нет?

– С чего ты взяла, что мне хочется ей написать?

– Ну, значит, ты и правда дурак, Чикито. «Она ступала так легко, и, когда я смотрел, как она идет прочь в этом белом платье с синим узором и цветками лаванды, мне казалось, будто она вот-вот взлетит...» – так ты написал; ни один нормальный парень не обращает внимания на такие детали, только мой брат-дебил.

– Ты снова права, но незачем меня называть дебилом.

– Как это незачем, я это просто обожаю.

Диего спрашивает у Корделии, как у нее дела. Она вымоталась. С тех пор как она запретила их отцу переводить ей деньги, после занятий в институте ей приходится пахать на нескольких подработках, куда более утомительных, чем обслуживание посетителей в мишленовском ресторане. Ранним вечером она работает курьером в службе доставки, два часа по семь долларов в час; с чаевыми иногда удастся набрать до тридцати. Потом в фастфуде за шесть долларов в час, и наконец, продавщицей в магазине нижнего белья – там у нее ночные смены по четвергам, и это просто роскошь, она получает комиссию с продаж, не меньше тридцати баксов за смену; в хорошую неделю выходит триста – хватает на еду и на жилье. Но пусть он не думает, все это время, которое она тратит не на учебу, не помешает ей стать более крутым программистом, чем он.

Диего уже и так все это знает.

– Ну ладно, давай отключайся и пиши своей зазнобе, у

меня занятия.

– У меня тоже. Скучаю, – отвечает Диего.

– И я, – пишет Корделия, а потом отправляет это мерзкое ХОХО вместо поцелуя.

Диего не отрывается от экрана. Мадридское солнце заливает парты. Преподаватель задерживает длинные оранжевые шторы на окнах. Опустив пальцы на клавиатуру, Диего набирает:

– Как тебя зовут?

Помедлив, он отправляет сообщение по адресу Alb2010@uam.es. Пока он с нетерпением ждет ответа, наблюдатель выходит из задумчивости и объявляет, что до конца экзамена остается час.

– Альба, а тебя?

Диего отвечает и снова принимается за работу. К себе он возвращается к полуночи. Он долго стоит под душем в изнеможении, потом обматывает полотенце вокруг пояса, натягивает футболку и садится на табурет перед экраном.

– Ты продолжила читать? На какой ты главе? – пишет он Альбе.

Эти слова – пролог истории, которая по-настоящему начнется три месяца спустя, в старом мадридском кинотеатре, куда Диего пригласит Альбу на «Гроздь гнева».

Они целуются вскоре после того, как в зале гаснет свет. Но перед этим обмениваются взглядами – у обоих слезы на

глазах; их это не смущает, они смеются над собой. Она берет лицо Диего в ладони и прижимает губы к его губам – киношный поцелуй в кинотеатре, это кажется началом долгой истории. Так и будет.

Альба на год младше Диего, и учится она не на биоинформатике, а на юридическом. Однако его рассказы ее увлекают. Особенно когда Диего говорит ей о куки, своего рода шпионах, которые внедряются в наши компьютеры, когда мы выходим в интернет – чтобы следить за нашими запросами, за тем, что мы читаем, что покупаем, словом, чтобы узнать всё.

– Что всё? – встревоженно спрашивает Альба.

– Всё! Твой возраст, пол, увлечения, социальное окружение, убеждения, образ жизни, что вызывает твою реакцию, позитивную или негативную.

– Но по какому праву и зачем? – не понимает она.

– Чтобы предсказать твоё поведение, навязывать тебе желания, потребности, которых у тебя нет, манипулировать тобой как настоящей марионеткой.

Альба хохочет, уверенная, что он ее разыгрывает; ему это ужасно нравится, а ей ужасно нравится радовать его, делая вид, что она верит его небылицам, даже самым нелепым. Это стало их игрой. Когда они встречаются у него по вечерам или проводят воскресенья вместе, каждый пытается скоротать другому что-нибудь неправдоподобное, и всякий раз, когда Диего выигрывает, он получает поцелуй – такой, какими они обменялись в старом кинотеатре два года назад.

Их поцелуи не стареют – и не постареют никогда. На сей раз Альба не позволит себя одурачить, это уж слишком, такая грязная, невероятная выдумка, а название как у американского печенья³! Но лицо Диего становится мрачным. А ведь они сидят на берегу большого пруда в парке Буэн-Ретиرو, погода чудесная, они любят друг друга до безумия, ни на мгновение не сомневаясь, что созданы друг для друга, и постоянно думая о том, как им повезло, что они встретились... К тому же Диего – плохой актер.

Девушка понимает, что он говорит правду и, чтобы спасти день, объясняет ему, что, должно быть, именно поэтому их и свела судьба. Люди, которые пишут законы, как она, могут призвать к порядку тех, кто ворует частную жизнь других, а программисты, как он, могут собрать доказательства их преступлений, и однажды они одержат над ними победу – вместе.

Одержат победу... ее слова заставляют Диего задуматься. Он посвящает Альбу в свою маленькую махинацию, позволяющую ему смотреть любое кино, какое ему захочется. Она опять ему не верит, но Диего, к которому вернулось хорошее настроение, приглашает ее к себе сегодня же вечером. Ей нужно только выбрать фильм, который ей хочется посмотреть. Альба принимает вызов.

– «Выкорми ворона» Карлоса Сауры.

---

³ *Куки* (англ. cookie) – традиционное американское печенье с характерной раскисшей поверхностью и, как правило, с добавлением шоколадной крошки.

– Я взломал американскую киностудию, а не мадридскую кинотеку, – лениво отвечает Диего.

Альба подозревает подвох, но хочет доиграть эту партию достойно.

– Ну ладно, тогда «Линкольн для адвоката» с Мэттью Макконахи, он недавно вышел, тебе негде его раздобыть.

– Что, тебе нравится такой типаж? Мы с ним совсем не похожи, – беспокоится Диего.

– Мне нравится кино про адвокатов, – отвечает она, посмеиваясь над ним.

Пока Мэттью Макконахи и Мариса Томей занимаются любовью, Диего рассказывает ей о своих талантах хакера, но клятвенно обещает ей использовать их только во благо.

– А кинопиратство – это что, во благо? – парирует Альба.

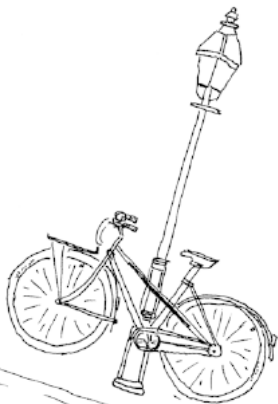
– Нет, но это никому не причиняет вреда, – отвечает Диего.

– Ты можешь достичь большего, – говорит ему она.

* * *

Июнь 2013-го; времена года идут своим чередом, Диего и Альба по-прежнему любят друг друга. Они счастливы, безумно счастливы – до того дня в конце учебного года, когда Альба, делающая блестящие успехи, обнаруживает, что может участвовать в программе студенческого обмена.

Бостон
∞

Диего кажется, что Бостон – проклятый город, похищающий всех, кто ему дорог, сначала сестру, а теперь Альбу. Но он любит ее и потому убеждает воспользоваться этой возможностью. Пока она там, они будут переписываться. Он к этому привык. Никаких пустых сообщений или эсэмэсок – расстояние их не разлучит, они будут каждую неделю рассказывать друг другу о себе в настоящих письмах, написанных от руки, сканировать их и отправлять по электронной почте по воскресеньям.

С момента ее отъезда проходит почти два года; они продолжают переписываться, не пропуская ни единого воскресенья. Конечно, Корделии захотелось познакомиться с подругой брата, чтобы составить свое мнение о ней. Альба и Корделия прониклись друг к другу симпатией, но их графики нечасто давали им возможность встретиться. Если б они жили в одном кампусе, все могло бы быть иначе... В День благодарения они поужинали в комнате Корделии, а на Рождество – у Альбы: когда американские студенты отправляются на праздники к родным, их друзья-иностранцы остаются в одиночестве.

Июнь 2015-го, воскресенье. Диего сидит перед компьютером. Он отправляет письмо Альбе и ждет ответного письма. В Бостоне два часа дня, в Мадриде – восемь вечера. Он заваривает себе кофе, это уже десятая чашка за сегодня. Диего очень мало спит. Он на последнем курсе и после смены в ресторане занимается еще несколько часов у себя. Юноша идет в ванную, оставив дверь открытой, и бреется, одним глазом поглядывая в зеркало, а другим – на экран компьютера, стоящего на столе в комнате. Бритва скользит по его правой щеке, потом вверх по шее, и вдруг он замирает от дурного предчувствия. Плевать на традиции: Альба всегда

пунктуальна. Он звонит ей, но слышит только бесконечные гудки. Диего ходит по комнате взад-вперед, потом перезванивает ей – ответа нет. Он ни на мгновение не сомневается в верности Альбы: расстояние нисколько не ослабило их любовь. Его тревожит другое. В самом начале их отношений, в первый раз, когда Альба осталась у него на ночь, он из любопытства заглянул в ванную, чтобы узнать, почему она так долго там торчит, и обнаружил ее со шприцем в руке. Их взгляды встретились. Диего уже замечал красные точки, появлявшиеся и исчезающие на теле девушки – то на животе, то на бедрах, то на руках, – но не задавался никакими вопросами. Бледная Альба ответила ему улыбкой и спросила: «Хочешь, научу тебя делать мне уколы?»

У Альбы диабет первого типа. Она приучила Диего к впечатляющему своей сложностью пищевому режиму. Он знает, что она внимательно следит за уровнем сахара в крови, но ведь с ней могло что-то случиться. Как в тот день, когда... Они болтали, сидя у пруда в Буэн-Ретиро, и вдруг Альба побледнела, на лбу заблестели капельки пота. Потянувшись к сумке, лежащей у ног, она начала падать, он попытался удержать ее, но она выскользнула у него из рук и рухнула на землю как шарнирная кукла.

Он снова звонит, опять не получает ответа и тогда набирает номер сестры и принимается умолять ее немедленно поехать к Альбе. На его счастье, Корделия как раз в дороге, она доставляет посылку. По голосу брата она понимает, что даже

если Альба просто заснула перед компьютером («со всеми случается», – успокаивает она его), ей лучше прислушаться к его просьбе. Никогда прежде она не чувствовала в нем такой тревоги, такой уязвимости. Она вешает трубку, разворачивает велосипед, переключает скорость и нажимает на педали изо всех сил.

По Рокингемской авеню, потом налево, на Грэнит, – Корделия срезает через бейсбольное поле, мчится по Бруклинской против движения, чтобы быстрее оказаться на кругу, поднимается на мост, лавируя между машинами, пересекает реку Чарльз, резко сворачивает на Маунтфорт-стрит. Какое-то такси сигналиит ей, она показывает ему средний палец и продолжает эту сумасшедшую гонку, огибая машины на Бикон-стрит, а потом наклоняется, сворачивая на Сент-Мэри-стрит. Ее брат – псих, нет, он точно когда-нибудь сведет ее с ума, если, конечно, она не убьется на велосипеде раньше. К счастью, Корделия – опытная велосипедистка. Монмаут-стрит: она жмет на тормоза, чтобы замедлить спуск, резко останавливается перед фонарем, пристегивает колесо цепью и врывается в небольшой многоквартирный дом. Вzbегает по лестнице, принимается звонить и барабанить в дверь под номером 2С. Диего все еще висит у нее на проводе, этот звонок наверняка обойдется ей в целое состояние.

– Ты уверен, что она там?

– Заходи! – кричит тот.

Но как?

Она настойчиво стучит и зовет на помощь. Какой-то сосед, крепкий парень, выходит на лестничную клетку, Корделия приказывает ему выломать дверь, парень отходит, изо всех сил бьется о дверь и со стоном трет плечо.

– Bueno, hasta aquí hemos llegado⁴, – вздыхает Корделия. Она жестом велит соседу посторониться, как следует разбегается и с силой бьет ногой по засову. Тот отлетает. Корделия заходит внутрь – и отключает гарнитуру, пообещав брату перезвонить.

Альба лежит на полу в позе эмбриона, подобрав руки под себя. Корделия осторожно переворачивает ее и с трудом сдерживает слезы при виде ее мертвенно-бледного лица. Но грудь Альбы еле-еле вздымается. Корделия сжимает ее в объятиях, окликает, встряхивает, чтобы привести в чувство. Сосед в оцепенении стоит на пороге, Корделия приказывает ему вызывать скорую, сначала по-испански, потом, опомнившись, по-английски.

Она баюкает Альбу; вдали раздается вой сирены. Она умоляет девушку открыть глаза, гладит ее по лицу, ужасается тому, как холоден ее лоб. Сирена смолкает, Корделия слышит, как медики бегут по лестнице. Они врываются в комнату и бесцеремонно отпихивают ее в сторону. Корделия объясняет им, что у Альбы диабет. Кажется, это не врачи, всего лишь фельдшеры. Один из них замечает на столе чехол, просит Корделию подать его ему, открывает, выхватывает глю-

---

⁴ Здесь: ну это уж слишком (исп.).

кометр, колет Альбе палец и считывает показания с застывшим лицом. Время сочтено.

Альбу выносят из дома пристегнутой к носилкам. Корделия забирается в скорую рядом с ней. Тело девушки подпрыгивает, и только два больших оранжевых ремня не дают ей свалиться с носилок на пол. От воя сирены у Корделии леденеет кровь. Она цепляется за сиденье изо всех сил, сердце колотится, она пытается поймать взгляд фельдшера, но тот не отрывается от монитора, соединенного проводами с грудью Альбы.

Они заходят в приемное отделение; Альбу стремительно провозят по длинному коридору, двойные двери открываются. Медсестра объясняет Корделии, что дальше ей нельзя, к ней придут.

И тогда она ждет и бродит по этому залу с серо-голубыми стенами от одного сиденья к другому. Наконец находит в себе силы вытащить мобильник: Диего звонил ей раз сто. Она пытается успокоить его. Все будет в порядке, она уверена, нет, врачи к ней еще не приходили. Она все узнает, обязательно. Просидит там столько, сколько нужно, пока не сможет дать трубку Альбе, хоть всю ночь, если потребуется, это она тоже может пообещать. Его старшая сестра всегда сдерживала свои обещания. «Все будет хорошо», – добавляет она, прежде чем отключиться.

Диего больше не смотрит кино, он уничтожил свой канал доступа к киностудиям. В этом году ему исполнилось тридцать, и он управляет известным бистро в старом центре Мадрида вместе с двумя приятелями. Он очень умен, и всего добился сам, ну или почти сам. С тех пор как герои романов помогли ему вернуться в мир живых, книги стали его самыми верными спутниками. Он приветлив и умеет вписаться в любое окружение, однако предпочитает одиночество и больше всего дорожит свободой. Его отец был наборщиком-линотипистом, а мать – акушеркой, но вскоре после его рождения они развелись. Когда-то, еще в школе, Диего хвастался, что у него целых две комнаты и в два раза больше игрушек, чем у его товарищей. А потом отец смеялся, что его дети пошли учиться информатике – предмету, из-за которого его ремесло исчезло.

Каждое воскресенье Диего отправляется на кладбище, садится у могилы Альбы и зачитывает ей письмо о том, как прошла его неделя.

Доучившись, Корделия не вернулась в Мадрид. Она уехала из Бостона и обосновалась в Лондоне. Они продолжают переписываться с Диего каждый день, обмениваясь зашифрованными сообщениями. Она твердо вознамерилась сдер-

жать данное брату обещание. Смерть Альбы пять лет назад изменила их жизнь...

* * *

В июне 2015-го Корделия потратила свои сбережения на авиабилеты, чтобы сопровождать родителей Альбы, прилетевших за телом девушки. Диего встречал их в аэропорту. Вместе они отправились в траурный зал.

В день похорон она дождалась подходящего момента, чтобы рассказать брату о случившемся. Тот вечер воскресенья она не забудет никогда... В зал ожидания вышел врач, лицо у него было изможденное. Он спросил у Корделии, кем она приходится Альбе, и та солгала, назвавшись ее золовкой. «Это ведь не такая уж и неправда, – прошептала она Диего. – Я ведь могла ею стать...» И замолчала. Он взял ее за руку и крепко сжал, даже слишком крепко, но она не шевельнулась. Кorteж прошел перед могилой, люди бросали в нее розы и подходили выразить соболезнования родителям Альбы. Диего держался в стороне, сестра стояла рядом. «Альба не забыла про укол», – сказала ему Корделия. Врач объяснил ей, что все чаще становится свидетелем подобных случаев. Она не поняла, о чем он говорит; тогда он достал из кармана халата ампулу с инсулином и изучил ее на просвет, поднеся к окну. «Он разбавлен. Иногда его разводят в два раза, иногда – в четыре». Корделия все еще не понимала. «Если у боль-

ных не хватает денег, они в конце концов начинают его разбавлять, – тихо добавил врач. – Фармкомпании подняли цены втрое, и это только за последний год, а страховые компании затягивают выплаты компенсаций сколько могут. Нужно иметь средства на лечение, а студенты... особенно иностранцы... В общем, скверная история», – закончил он со вздохом. И, похлопав Корделию по плечу в знак сочувствия, удалился.

Комья свежей земли засыпали гроб с телом Альбы. Корделия еще колебалась, но, когда она закончила свой рассказ, брат сжал зубы и на лице его появилось незнакомое ей выражение.

Когда они шли к выходу с кладбища, он обнял ее за плечи, и она внезапно почувствовала себя очень странно, как будто Диего вдруг стал ее старшим братом, как будто ее младший брат навсегда остался у могилы Альбы, «1991–2015».

Он спокойным голосом поинтересовался у нее, кто эти люди, задравшие цены на инсулин.

Диего – человек чести.

Июнь 2020 года, Лондон и Мадрид

Разделенные тысячами километров, Корделия и Диего, каждый за своим компьютером, объединили свои таланты, чтобы проникнуть на серверы британской фармацевтической компании. Взлом подобного масштаба стал завершением многомесячного расследования и должен был проходить по четкому плану.

В сражениях такого рода удары наносятся с помощью кода, эффективность которого зависит от того, как именно он внедряется. Хакеры могут добиваться своих целей разными путями, но все они, в сущности, сводятся к двум способам действия: силовой атаке по нескольким фронтам, чтобы посеять панику в рядах защитников противника, или незаметному, не вызывающему подозрений продвижению, как грабители банка пробираются в хранилище, избегая датчиков сигнализации. Корделия и Диего выбрали именно этот подход и знали, как воспользоваться всеми его преимуществами.

В большой компании всегда найдется усердный сотрудник, готовый в любое время суток ответить на срочный имейл от своего начальника – имейл с прикрепленным документом, который необходимо незамедлительно изучить. Техника проста до невероятия: в приложенном к сообщению

файле спрятана крохотная программа, распространяющаяся по системе подобно попавшему в организм вирусу. Пока защита не обнаруживает вторжения, иммунитет не просыпается. Вирус продолжает продвигаться, выбирая органы, где он будет распространяться. И, когда он оказывается готов, наносит сокрушительный удар. Отличный пример такого рода вирусов – злокозненный возбудитель гриппа.

Месяцем ранее Корделии удалось раздобыть схему организационной структуры британского филиала группы «Талови». Для этого однажды утром она отправилась в Гилфорд, маленький городок километрах в пятидесяти от центра Лондона.

Она припарковалась на общественной парковке, достала из багажника велосипедный шлем и куртку курьера – сувениры, оставшиеся ей на память о жизни в Бостоне, – и присовокупила к этому костюму солнцезащитные очки, чтобы ее невозможно было опознать по записям с камер наблюдения. Зайдя в современный офисный центр, подошла к стойке ресепшен и сказала администратору, что адресат привезенной ею посылки должен оставить подпись о ее получении. Однако в списке фамилий на стойке названного ею человека не нашлось. Лениво пережевывая жвачку, Корделия протяжно вздохнула – таким вздохом обычно дают собеседнику понять, что он тратит чужое время.

– Вы не могли бы проверить там у себя? – настойчиво по-

просила она, ткнув пальцем в экран компьютера за стойкой.

Администратор тут же занялась поисками, не сколько ради того, чтобы помочь Корделии, столько ради того, чтобы воспользоваться возможностью не смотреть на ее жующую физиономию. Как только та набрала код доступа к своему терминалу, Корделия незаметно запустила приложение на своем телефоне в кармане куртки. Для успешной операции расстояние между устройствами должно быть не больше метра. Если бы Корделии вздумалось положить свой смартфон на компьютер сотрудницы, вряд ли она смогла бы выбрать более подходящий момент. В IT-отделах обычно считают, что нападения будут исходить извне, поэтому не особо заботятся о защите терминала в холле. Пока девушка за стойкой усердно пыталась отыскать адресата посылки, Корделия выкачала весь список сотрудников британского филиала «Талови».

– К сожалению, я не нахожу человека с таким именем, – в свою очередь вздохнула администратор.

– Тем хуже для них, – воскликнула Корделия. – Заплатят за доставку дважды!

И она удалилась, унося крафт-пакет с каталогом медицинского оборудования для доставки почтой, – всегда лучше немного перестраховаться.

Второй этап операции требовал больше времени. Корделия и Диего поделили между собой список сотрудников

британского филиала фармацевтической компании «Талови» и приступили к делу, методично прочесывая интернет в поисках подходящего кандидата: топ-менеджера, активно пользующегося соцсетями. Из тех, кто любит доказывать, что их жизнь лучше вашей, подкрепляя эту идею фотографиями и комментариями. Диего обнаружил идеальный профиль, и всего за пару ночей работы Корделия сумела раздобыть имя начальника этого менеджера.

Третий этап состоял в подборе пароля к электронной почте, адрес которой их жертва выложила в открытом профиле «Линкедин». Корделия справилась с этой задачей без особого труда.

Эдвард Бошан, креативщик из маркетингового отдела, отдавал свою жизнь на растерзание акул интернета. Фотографии детей и жены, сделанные по случаю дней рождения, хэштеги с именами, геометки воскресных ужинов в загородном доме и, в довершение всего, «астон мартин», припаркованный на улице с незатертым номерным знаком и номером дома на фоне.

Четвертый, и последний, этап заключался в отправке сообщения-ловушки. Чтобы подделать прикрепленный документ, Диего просто-напросто скопировал отчет, подготовленный компанией два месяца назад.

Часом позже Корделия написала Бошану второй имейл с просьбой не обращать внимания на первое письмо, якобы

отправленное по ошибке.

Хитрость удалась: Бошан открыл отчет, и вирус начал распространяться по внутренней сети.

С этого момента Корделия и Диего могли читать все сообщения на серверах «Талови», а руководитель IT-отдела ни о чем даже не подозревал.

Брата и сестру волновало только одно направление деятельности компании: реализация инсулина и инсулиноподобных препаратов, жизненно необходимых пациентам-диабетикам. За последние пятнадцать лет они подорожали на тысячу процентов. Такой темп не могло оправдать ничто. Верх цинизма, ведь инсулин был выделен почти сто лет назад, и открывшие его ученые продали патент на него за символическую цену – один доллар, чтобы лечение стало доступным всем больным. И альтернативы в виде более дешевого дженерика не было потому, что фармкомпания регулярно меняли состав своих препаратов, чтобы продлить патенты на них и не допустить, чтобы продукт, от которого зависят жизни десятков тысяч мужчин, женщин и детей, стал общественным достоянием.

Корделия узнала все это за несколько месяцев после похорон Альбы. Когда она вернулась в Бостон, каждая поездка на велосипеде неизменно воскрешала в ее памяти ту бешеную воскресную гонку. Отныне она вкладывала все силы в расследование, которое будет занимать большую часть

ее свободного времени следующие три года. Каждые выходные ездила по больницам Бостона и окрестностей, опрашивая медсестер, фельдшеров и пациентов. Каждый вечер рабочей недели часами сидела перед экраном, разыскивая медицинские карты, статьи и статистические отчеты о смертности, связанной с диабетом. С каждым месяцем масштабы скандала и размер ущерба, выражающегося в человеческих жертвах, становились все очевиднее. Врач, закрывший Альбе глаза, ничуть не преувеличивал: в США шел счет на сотни подобных случаев, и год от года количество смертей только увеличивалось. По одной и той же причине молодые и не слишком молодые пациенты, даже те из них, у кого была страховка, не могли позволить себе лекарства, – настолько фармацевтические компании задирали цены.

Узнав все это, Корделия взялась за исследование реализации инсулина и вскоре вышла на сотрудника отдела продаж одной из компаний, занимающихся распространением фармацевтической продукции. Как-то вечером она хорошенько накачала его в баре и сумела разговорить.

За шестой текилой она выяснила, что этот прибыльный мировой рынок поделили между собой четыре компании. Один только инсулин приносил «Талови» пятнадцать миллионов долларов в день, то есть пять с половиной миллиардов долларов в год.

Двенадцать месяцев, за которые Корделия исколесила весь Бостон на своем велосипеде, с трудом зарабатывая на

учебу и на жизнь.

Вконец разоткровенничавшийся сотрудник признал, что фармкомпания сами устанавливают цены по взаимной договоренности и при молчаливой поддержке страховых компаний, дистрибьютеров и агентов. Такая система приносит выгоду каждому. Кому как ни ему об этом знать, признался он, чтобы облегчить совесть. Наутро после посиделок в баре, стоивших Корделии незабываемой мигрени, ее расследование приняло новый поворот. Чтобы доказать коррумпированность системы, разоблачить незаконные соглашения и предать правосудию тех, кто дергал за ниточки, ей предстояло собрать неопровержимые улики. А до этого было еще далеко...

После окончания учебы Корделия не вернулась в Мадрид, и вот почему: одна лондонская IT-компания пригласила на должность аналитика данных. Через два года ее повысили до сетевого инженера, и в ее распоряжении оказались технические средства, которые были ей необходимы для достижения целей и свершения правосудия. Теперь она вела обычную на первый взгляд жизнь, хотя ей по-прежнему сложно было судить о том, что является нормой в стране, где шести семействам принадлежит столько средств, сколько оставшемуся населению.

Каждый раз, когда девушку настигало уныние, она открывала тетрадь, в которую приклеила фотографию, вырезан-

ную из итальянской желтой прессы. На ней президент «Талови» в летнем костюме и прижатым к уху смартфоном нежно смотрел с верхней палубы яхты на жену и детей, катающихся на гидроциклах в заливе Портофино. А на соседнюю страницу она наклеила фотографию Диего и Альбы – селфи, сделанное на скамейке в парке Буэн-Ретиро.

* * *

Два года поисков, слежки и подготовки еще не привели Диего и Корделию к желанной цели – отомстить за Альбу, заставив заплатить за ее смерть всех, кто в ней виновен. Они надеялись, что кибератака на филиал фармацевтического гиганта наконец переломит ситуацию в их пользу.

В течение недели с момента внедрения на серверы из тысяч электронных сообщений они отобрали те, что содержали интересующие их ключевые слова. По прошествии месяца упорного труда, не давшего никакой зацепки, чтобы выдвинуть обвинение против кого бы то ни было, Диего заподозрил, что незаконные сделки совершаются без использования сетей передачи данных. Хакеры оказались в тупике, и все их усилия пропали бы втуне, если бы удача не вывела их на правильный след.

Поскольку ставки в этой игре были высоки, упоминания о преступной деятельности фармкомпаний следовало искать

только на самой вершине иерархии, поэтому брат и сестра сосредоточились на компьютерах трех топ-менеджеров: генерального, финансового и коммерческого директоров.

И тут случилось маленькое чудо: финансовый директор, забыв дома зарядку от смартфона, имел неосторожность подключить его к своему ноутбуку. При виде установленного соединения с устройством Корделия почувствовала себя взломщиком, трудившимся над подземным ходом два месяца: последний удар киркой – и стена в банковское хранилище обваливается. Удовлетворение было таким острым, что она даже не задумалась над причиной появления судьбоносного окошка у нее на экране. И обнаруженное превзошло все ее самые смелые чаяния: ежедневник, который в ее глазах был ценнее алмазных россыпей.

Они с Диего столько времени потратили на слежку за этим человеком, что им казалось, будто они знают его лучше, чем своих близких. Они прочесали его сообщения, изучили встречи, не пропустили ни единой публикации его жены, которые та выкладывала в инстаграме и на «Френдзнете», знали, когда та устраивает очередную вечеринку с подругами, пока муж работает допоздна, когда семейство собирается провести выходные в своем загородном доме в Кенте, и собрали множество других деталей благодаря системе «умный дом», которой было оснащено их основное жилище. Видеодомофон на входной двери, камеры в местах общего пользования – у Шелдонов к сети были подсоединены да-

же лампочки. Диего мог наблюдать за ними в каждой комнате. Все системы оказалось так легко взломать, что Корделия даже подумала, не лучше ли этим людям было просто оставить ключи от дома в замке, чтобы упростить задачу грабителей. Помимо многочисленных подробностей частной жизни Шелдонов геолокация в смартфоне главы семейства и данные об использовании кредитной карты позволяли брату и сестре отслеживать их перемещения в реальном времени. По степени полезности выигрывали умные колонки «Алекса». Та из них, что стояла на кухонной полке, и навела Корделию на след. За завтраком госпожа Шелдон спросила у супруга, сможет ли он пойти с ней на родительское собрание в ближайший четверг, в полдень. Шелдон извинился: у него в этот день важная встреча с одним человеком, и перенести ее не получится, потому что тот специально приедет из-за границы. Почувствовав укол любопытства, Корделия вывела на экран ежедневник с компьютера Шелдона: на послезавтрашний полдень никаких записей не было. Тогда она заглянула в календарь на смартфоне и обнаружила там некое мероприятие «Паддингтон», запланированное в тот самый день и час; эта странность ее заинтриговала. Она пролистала месяцы назад и обнаружила, что одно и то же слово, «Паддингтон», отмечено в первый четверг каждого триместра, причем только в телефоне Шелдона, а не на его рабочем компьютере. Корделия проверила все записи за последние три года и увидела, что это загадочное мероприятие систематически повторяет-

ся.

Девушка включила свой защищенный мессенджер, чтобы поделиться выводами с Диего. Бандиты в белых воротничках оказались достаточно осторожны и не обменивались никакими сообщениями ни по телефону, ни по электронной почте. Как-то раз их отец, иронизируя над бессодержательностью виртуального мира, в котором она, на его взгляд, проводила слишком уж много времени, напомнил ей, что никогда не стоит пренебрегать возможностями прямого контакта между людьми. Она не забыла этот урок. Вывод: руководители фармкомпаний устанавливают цены на инсулин при личной встрече.

– Если так, то все пропало, – начал сокрушаться Диего.

– Нет, не пропало, если мы поймаем их на горячем! – ответила Корделия. – И кажется, у меня есть идея, довольно самонадеянная, но все же стоит над ней поразмыслить.

Только она отправила это сообщение брату, как на экране всплыло другое окошко.

Что за самонадеянную операцию ты там придумала?

Корделия была задета за живое. Кто-то еще из «Группы 9» подключился к их беседе – но кто? Екатерина дала бы о себе знать; Майя сначала поздоровалась бы. Виталик, учивший иностранные языки по разговорникам для туристов, обычно коверкал слова и писал с ошибками, так что у него получилось бы что-нибудь вроде «Ну и что ты напридумала?».

Дженис, отличавшаяся цветистым слогом, спросила бы «Во что играете?» или, что еще вероятнее, «В какое дерьмецо вы опять собираетесь влипнуть?». А такой снисходительный вопрос может исходить только от Матео.

– Ты уже давно тут висишь? – поинтересовалась она.

– Только что подключился, хотел с тобой связаться.

– Ты у себя?

– В дороге, – ответил он.

– Оставайся на связи, я тебе кое-что сейчас перешлю.

Корделия отправила ему наиболее компрометирующие элементы досье в зашифрованном сообщении. Пролистав несколько страниц, Матео догадался, что она задумала.

– Настоятельно не рекомендую вам действовать в поле без тщательной предварительной подготовки. Вы рискуете разворошить осиное гнездо и уничтожить все, чего достигли. Если скомпрометированные менеджеры что-то заподозрят, они начнут искать утечку и прочешут все свои информационные системы. Твои действия всегда вызывали у меня глубочайшее уважение, как, к слову, и действия Диего, но одно дело – работать через экран, а другое – пойти на контакт. Нельзя недооценивать возможности международных компаний, особенно когда речь идет о защите руководителей. Они сделают все возможное, чтобы найти тех, кто хочет на них напасть, и не погнушаются никакими средствами.

Корделия ответила не сразу. Матео никогда не позволял себе вмешиваться в ее планы, кроме тех случаев, когда они

работали вместе. Еще больше ее удивило то, что он предлагает ей отказаться от этой идеи. Она ждала, что Диего придет ей на выручку, однако тот никак не проявил себя.

– Сколько можно бездействовать, пусть лучше другие к нам присоединятся! – не выдержала она. – Если нас будет много, все получится. Встреча состоится на вокзале Паддингтон.

– Паддингтон огромный, – спокойно ответил Матео. – И чего ты надеешься этим добиться? Цель твоей операции слишком неопределенна, чтобы так рисковать...

Корделия не дала ему закончить.

– Изобличение негодяев, чья жадность привела к гибели тысяч людей, тебе кажется неопределенной целью? Тогда у нас разные представления о «Группе», – возмутилась она. – Что ты предлагаешь? Пусть каждый занимается своими маленькими делишками в своем уголке, только бы не подставить «Группу»?

– Я этого не говорил, и я так не думаю, – возразил Матео.

И Матео, и Корделия были правы. Совместные действия могли подвергнуть «Группу» опасности, но предотвращение гибели других подобных Альбе было одной из причин ее существования. Матео знал Диего и Корделию достаточно давно, чтобы понимать, что ничто не заставит их отказаться от цели. Он предложил им прогуляться по даркнету, тайной стороне интернета, где среди прочего за криптовалюту можно купить услуги хакеров любого рода и из любой страны.

Возможно, им удастся найти там кого-то, кто уже взламывал систему видеонаблюдения на вокзале Паддингтон. Тогда останется только договориться о сумме, за которую тот согласится предоставить им доступ. При подобных сделках вам не зададут лишних вопросов, но опасность использования кода, написанного другим, в том, что этот человек может с помощью него взломать и ваше устройство. Но необходимость подключиться к камерам Паддингтона менее чем за двадцать четыре часа вынуждает идти на некоторые компромиссы...

– Корделия права, – вмешался Диего. – Если другие члены команды к нам присоединятся, мы повысим наши шансы обнаружить объект. Это того стоит, – добавил он.

– Допустим, сработает. А что дальше? – спросил Матео.

– Если мы объединимся, у нас хватит глаз, чтобы уследить за всем вокзалом, – ответила Корделия.

– При условии, что мы подключимся к камерам, – напомнил Матео.

– Я поеду на вокзал, вы будете вести меня по телефону, а я буду следить за Шелдоном, пока не поймаю его с поличным.

– С каким таким поличным? С клочком бумаги? Малова-то, чтобы устроить шумиху.

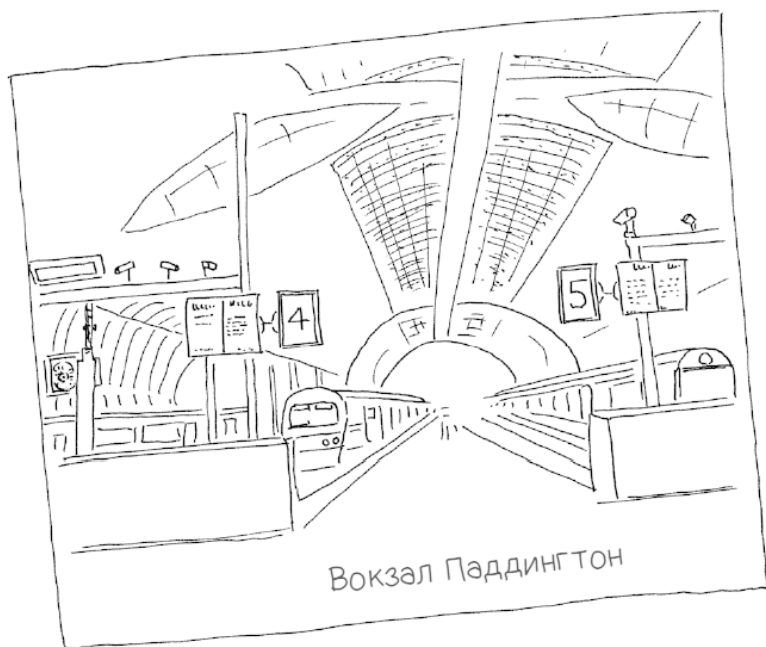
– Нет! Если мне удастся сфотографировать двух руководителей конкурирующих фармкомпаний во время встречи инкогнито на вокзале, у нас будет доказательство их сговора.

– Почему они выбрали Паддингтон? В Лондоне что, мало

мест, чтобы затеряться в толпе? – спросил Диего.

Мессенджер молчал, Матео и Корделия размышляли над вопросом.

– Куда отправляются поезда с этого вокзала? – снова спросил он.

Вокзал Паддингтон

– Я поняла! – набрала она. – Вопрос не в том, куда они отправляются, а откуда едут. Экспресс из Хитроу прибывает на вокзал каждые двадцать минут. Наверное, человек, с

которым он встречается, прилетает из США. Это самое безопасное место для обсуждения цен, в вагонах нет камер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.